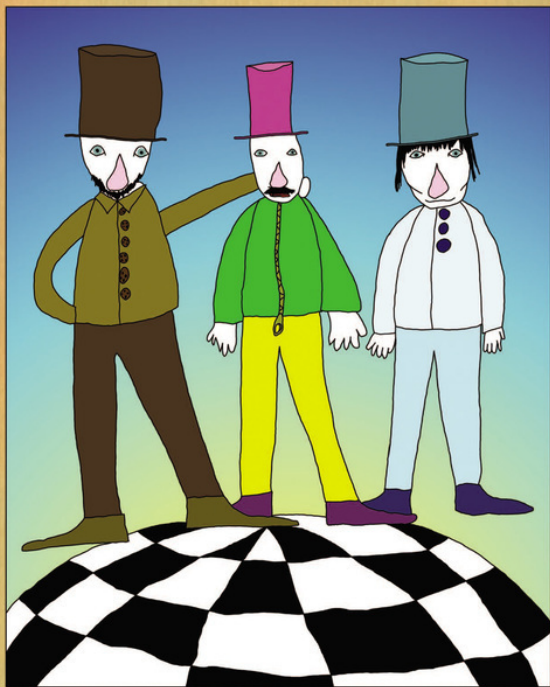

Олеся Мовсина

Всероссийская история
болезни

Олеся Мовсина

Всемирная история болезни (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890929

Всемирная история болезни : Повести.: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2014

ISBN 978-5-93682-945-1

Аннотация

О чем проза Олеси Мовсиной? На этот вопрос нет ответа. Правильный вопрос: чем эта проза становится? Всем чем угодно. Чем хочет, тем и становится. Фантазмом, гротескным детективом, сентиментальной любовной историей. Тот, кто способен наслаждаться тем, как язык и фабула сами по себе порождают какую-то новую реальность, кому хочется погрузиться в этот новый, иногда более, иногда менее глубокий и сложный, но всегда трогательный и часто смешной мир – тот получит от этой книги удовольствие.

Содержание

Чево	6
1	7
2	12
3	18
4	25
5	30
6	34
7	37
8	40
9	44
10	47
11	49
12	53
13	55
14	59
15	63
16	68
17	74
18	80
19	85
20	89
21	95
22	98

23	105
24	112
25	119
26	122
27	127
28	137
29	144
30	151
31	155
32	162
33	164
34	170

Конец ознакомительного фрагмента.	175
-----------------------------------	-----

Олеся Мовсина

Всемирная история болезни

© Мовсина О., текст, 2014.

© «Геликон Плюс», макет, 2014.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Чево

1

Начну как всегда за здоровье, а там – видно будет. Одним словом, жили-были. (Впрочем, это уже двумя.)

Жили некогда некие брат и сестра (по фамилии Сиблин-ги). А жили они друг с другом, и была у них престарелая матушка, очаровательная старушка. И эта почтенная дама похоронила недавно своего возлюбленного брата.

Во время оно родились у них в семье близнецы – мальчик и девочка, и здесь уже берет свое начало история.

Она, конечно же, – золотоволосый хворобушек, прозрачно взирающий на мир из-под стекол очков, он – вкуснечик, наскоком и жадно обожающий жизнь под любым соусом. (Кстати, святое семейство отличалось скромностью и патриотизмом вкуса, и луковый суп здесь подавался исключительно с бородинским хлебом.) Любили друг друга близнецы приблизительно как сорок тысяч братьев и сорок тысяч сестер. Мальчика звали в миру Адамович, девочку – Евовичь, соответственно.

В то утро бабушка сказала, намазывая на булку печеночный паштет «Судьба Прометея»:

С тех пор, как мы поселились в этом доме, ко мне каждую ночь приходит мой мертвый брат. Наверное, он живет здесь где-то неподалеку.

Она говорила это каждое утро, и это пока всё, что мы о ней знаем.

У матушки Адамовича и Евовичи был на стороне особый интерес. В другом городе, равно как и у батюшки ихнего был интерес, не менее особый, там же. Интересы приходились друг другу не то братом и сестрой, не то мужем и женой, и все четыре пары не знали о существовании остальных.

Примерно раз в месяц, в субботу утром, матушка и батюшка наряжались и выходили из дому, взявшись за руки. Они покупали два билета на поезд, садились в один вагон, выходили на одной станции, а потом, поцеловавшись, расходились в разные стороны. Она – якобы навестить свою прежнюю учительницу музыки, он – якобы посетить планетарий или зоопарк. Тогда как назавтра, воскресным полдником оба стояли они на платформе под белым циферблатом, мысленно улыбаясь и пуская воздушные шары-поцелуи.

Уезжая, батюшка и матушка наказывали Адамовичу и Евовичи: не ходите, мол, гулять с Жучкой на площадку перед клубом собаководов и к тридцать третьему дому, а в парк ходите и к дому культуры – тоже. Жучкой была любимица вышеозначенной семьи, милейшая дворняга, оспаниеленная в каком-то десятом колене. А в тридцать третьем доме жил сумрачный ротвейлер, мнивший себя не четой не только Жучке, но и всему белому свету.

Пуще же всего наказывали родители Адамовичу и Евовичи беречь и защищать от жизненных невзгод друг друга и

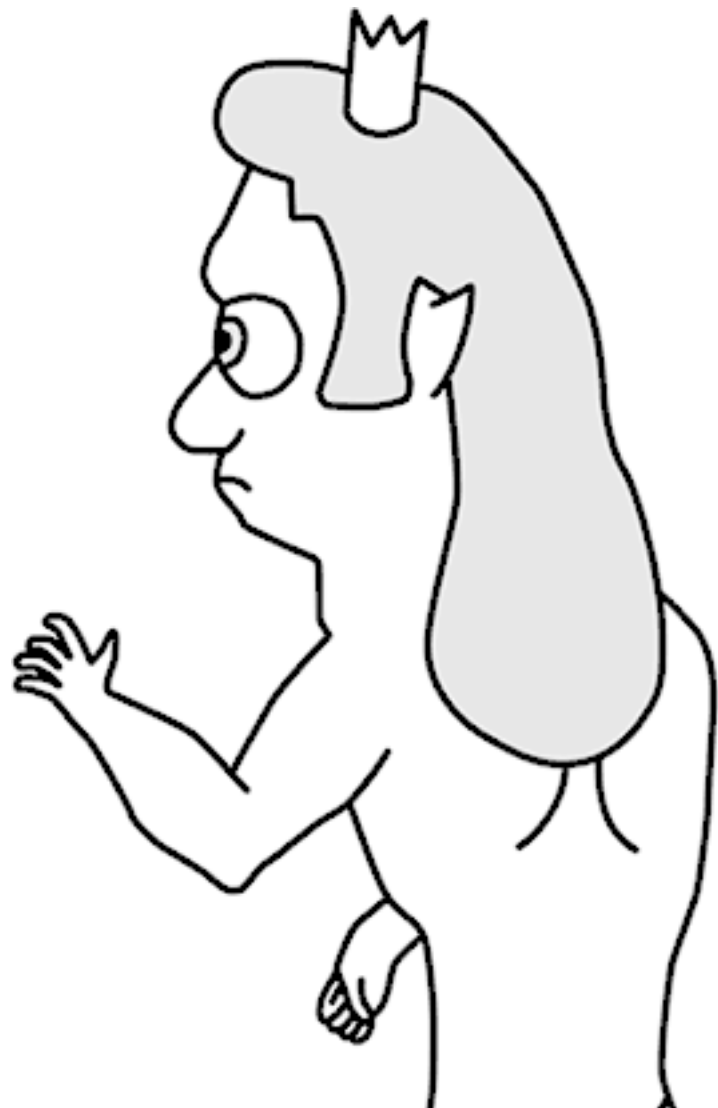

свою ненормальную бабушку. Последняя как раз в этот момент защищала докторскую.

Адамович, подай маме зонтик!

Что ты говоришь? Ах, да, старушка в этот момент защищала докторскую колбасу от Жучкиных посягательств. Да, а еще родители обещали за примерное поведение привезти детям печатного (или мятного?) пряника. Видимо, в том городе, куда они собирались, эти пряники как раз и печатали (или мяли).

Как только закрылась за родителями дверь, близнецы нарядились красной девицей и добрым молодцем и побежали гулять с Жучкой. Путь их лежал далеко-далеко, путь их лежал через собаководческую площадку.

Мальчика звали в миру Адамович

(Не вздумай начать с начала: детство, отрочество, юность, выстроенные в линейчку, уже пахнут дурновкусием, бои с ними, пускай сами ищут себе место под солнцем. Хотя можно поставить здесь дату рождения, но потом не забудь (при последней редакции) – не забудь перемешать карты рукою прилежного шулера (школьника?), дабы оставить после себя приличный случаю ахрологизм.)

(Эти лукавые скобки – я для себя, и читателю – если только по секрету.)

(А для читателя другие скобки. Приготовьтесь, мой дорогой, покачаться со мной на качелях – из балаганчика в печаль и обратно. Не пугайтесь, если закружится голова и язык защиплет от слишком терпкого концентрата: я всегда рядом, я держу вас за руку, если что. И всегда подам стакан холодной воды.)

А вот и дата рождения моего героя: 19...

(Хорошо, начало положено, теперь можно и по существу.)

Женщина, казалось, попала на эту улицу впервые. Здесь был и ветер, и голуби, насмерть стоящие против ветра. Одно было противоестественно: здесь не было номеров. Почему-то дома раз и навсегда устыдились своей индивидуальности и отказались от имен собственных. Мучимая желанием найти объект и помня инструкцию не обращаться ни к кому

из посторонних, благородная дама ощутила давно забытый привкус замешательства. Наконец она решительно потыкала пальцем в черный телефон, прося помощи у кого-нибудь из своих. И через минуту два новеньких красных автомобиля ворвались на улицу с разных сторон. Они встретились, слегка притормозили возле уродливой пятиэтажки и разъехались. А дама, ничем не выразив своей причастности к поданному знаку, докурила и медленно направилась к парадной.

Черт, условный звонок! Но женщина? — он не ожидал. Впрочем, у посетительницы был вид особы, которая красит губы чаще, чем целует ребенка. Да и потом она произнесла. Он ответил. По инструкции проводил ее на кухню.

Марк Матвеев? — уточнила дама и крепко выложила на стол конверт.

Сомнений быть не могло: это оно.

Марк задумался, не предложить ли чаю, и за те восемь минут, что они оба пилились в свои стаканы, весны не наступило. Лишь проходя вдоль зеркального коридора, она сдалась — улыбнулась своей прическе. И тут же сурово и прямолинейно вышла из поля зрения Марковой жизни.

Когда догорело письмо, он стал собирать свои вещи.

Спустя три дня (спустив эти три дня с верхней полки поезда) женщина явилась еще в один дом. Может быть, это была другая женщина, но столь же сильно смахивающая на неумо-

лимую богиню судьбы, как и та. Задача у этой, правда, была посложнее: исполнительнице предстояло сообщить матери о гибели сына.

Вот как это было, и что из этого вышло.

Бодро шел 2000-й год, корреспондент какого-то телеканала бодро нес пасхальную околесицу. Рапортуя с площади столицы, он объяснял телодвижения и конкурсы, происходившие за его спиной, инсценировкой великих событий, свершившихся «ровно две тысячи лет назад» (интересно, что имелось в виду?). Потом жертва журфака пообещала народонаселению отпущение грехов, в особенности за несоблюдение поста. Специально для наших телезрителей...

Ольга Адамовна рассмеялась, поскольку была остро умной (вниманию наборщиков и корректоров!), хоть и пожилой, одичавшей от одиночества женщиной.

Забавные мелочи дня виньеткой легли вокруг черной дыры, а все последующие годы так и сползли в эту дыру, один за другим. Она задумалась на секунду: белое или желтое полотенце взять из опрятной стопки; белое лежало сверху, а желтое было мысленно ближе.

Когда незнакомка приходит и предлагает хозяйке сесть, пощады не жди. А то был особенный случай.

Впрочем, гостя не стала утруждать себя поиском слов. В конверте лежало свидетельство о смерти и письмо от начальника с предупреждением о том, что не только опознавать, но и хоронить, собственно говоря, – нечего, что чело-

век, как говорится, сгорел на службе, и что вечная память, а страна его не забудет. Стоит ли говорить (ах, какой вкусный штамп!), что, подорвавшись на mine письма, Ольга Адамовна не смогла догнать посланницу ада и – расспросить? Стоит ли говорить, что поездка в город, где Марк жил последние несколько лет, поиски его начальства, сослуживцев или хотя бы квартирной хозяйки – поразили нулевым результатом? Стоит ли говорить, что до последнего вздоха старушка Матвеева так и не смогла поверить тому письму и тому свидетельству и, уходя в мир иной, надеялась не встретить там сына еще какое-то время? Стоит. Говорю.

Но мы пригласили Ольгу Адамовну в наш роман не только для. В некоторые моменты своей жизни она вела записи, да, что-то вроде дневника, а это всегда очень полезно для авторов, раскручивающих хоровод персонажей вокруг елочки сюжета. Так вот же чуть позже мы расскажем, что почувствовал наш герой Марк, разбирая, читая эти тетради, некогда исписанные, как говорится, сгоревшей на службе – его матушкой.

(Так, что у нас теперь? Пассаж о механическом продолжении воли? Или всё о любви? Ведь кисейные платья русской литературной традиции давно уже мнутя у порога. Что ж, запускай!)

Оставалась Грушенька – наименьшее из зол после того, что он сделал с матерью. И всё же Марку хотелось вспомнить

ее всю по порядку, от первого насмешливого «Да ты, братец, снайпер», – когда он мазнул окурком над урной и мимо, до...

Простые человеческие отношения. Мужчина и женщина. Ощущения, стоящие в русскоязычном словаре где-то между воспоминанием и восторгом, между горячностью и горем (наоборот). Впрочем, чушь – ничего такого между ними не было и нет.

Из всех возможных способов – навсегда оформить разлуку – Марк выбрал единственно благородный. Ничего не объяснять, комедию оставить нищим духом, а просто исчезнуть, отказать ей (мгновенно и задним числом), отказать ей в своем существовании. Общих знакомых у них нет, искать она его не будет, да и бесполезно. Обиженно хрустнут худые неровные пальцы, с тусклым блеском на том из них, чьего имени никто не знает – не золотое супружье колечко, а латунное какое-то, вдовье. И не пойдет она в гости в этот вечер, но и топиться тоже не пойдет: при всей своей эксцентричности Грушенька – дитя благоразумия, он знал это. Знал также: всё, что ей будет больно, сможет она обратить во благо себе и людям. Не только из упрямства, но и из великодушия тоже. (Во время чтения этого абзаца потихоньку начинает пробиаться сквозь сознание таривердиевская «Боль моя, ты покинь меня», осторожно кивая на Штирлица.)

(А вот теперь можно и о железной помощи живым.)

Марк понимал: еще не поздно вернуться. Лишь несколько часов продлится это состояние, когда еще не поздно вер-

нуться. С тех самых молодых ногтей, которые ему – сонному и двухнедельному – впервые обрезала матушка, – он шел к нынешнему дню. И все же эти несколько часов до поезда почему-то превратились для него в возможность новой жизни, они соблазняли его родиться заново. Память то и дело подсовывала под ногти хвоинки: коричневое пальто крупной клетки, заснеженную скамейку, вид на пустырь со строительного крана, где их запер озлобленный сторож. Облако пыли, осевшее на картавых вывесках, мамин зонтик, метко и смешно угодивший в щель – под перрон.

Не таким уж линейным был путь Марка к этому дню. И случайные дорожные встречи, и вокзальные рестораны, и вынужденные остановки значили для него не так уж мало. Едва ли не больше самой цели. И вот теперь он должен умереть. Никто не оценит его жертвы.

Своего акмэ искушенище достигло в метробе. По правую руку ветка росла и тянулась к одному вокзалу, по левую – к другому. Марк понял, что если первой подойдет та электричка... Они ворвались одновременно, и обе насмешливо разжали зубы. Мысленно зажмутив глаза и уши (а на вид очень даже прилично), он – шагнул. Нечеловечески грубая, холодная сила закрыла, дернула, потащила его. А он ей – спасибо, и смеялся облегченно, как во сне и как ребенок, теперь я свободен. И тут же стал снова серьезен и спокоен, как полагает.

Первая, кого они встретили на своем пути, была Киса Каруселькина. В коридоре цветущих берез она стояла – совсем инфантильно, вся похожая на детский стишок, и плакала. И точно, на вопрос близнецов о случившемся, Киса заявила, что де у нее большое горе, состоящее в неспособностикупить или украсть кило сосисок – по причине преследования злыми людьми. Адамович и Евовичь закивали, обещая, конечно, помочь. Жучка было рыпнулась возразить, что, мол, воровать – это грех, но, во-первых, она оказалась глухонемой от рождения, а во-вторых, Киса была голодна. Так что вопрос о нравственных аспектах операции отпал (отвалился, как одуревшая от крови пиявка).

Мимо них проследовал дворник, он направлялся к ближайшему орешнику за новой метлой. Адамович, Евовичь, Киса и Жучка бросились к опустевшей дворницкой (что собой представляет дворницкая, никто толком не знал) – разбирать инструмент. Кому досталась лопата, кому – лом, кому – старая метла, а Жучке – только вонючая телогрейка. И тем не менее дело пошло в гору: друзья принялись рыть подкоп под гастрономов склад.

Такою им и запомнилась Киса Каруселькина, когда они вылезали из туннеля обратно, отряхивая с одежды остат-

ки почвы, печенья и мышиного помета: глаза сверкают, а из отверстия в земле тянется нескончаемый сосисочный поезд, исчезая в отверстии Кисинога рта. И только в перерывах между вагончиками она успевает бормотать как стукнутая мешком: «Нежные – молочные, восхитительные – классические, неповторимые – сливочные, изысканный вкус – пикантных, устойчивый аромат – старорусских, ням-ням-ням...» Затем со следами счастья и муки обжорства на лице Киса выдыхает: «Не кантовать», – и быстро падает на спину.

Почесав, как положено, затылки, наши жалостливые близнецы аккуратно ее приподняли и сложили на скамеечку в ближайшем сквере (там она и осталась до лучших времен), а сами побежали дальше – выгуливать Жучку.

Следующим номером была Ладушка, Лада. Сидя на краю клумбы, она вожаденно ковыряла в носу и ругалась по-черному не только про себя, но и про весь белый свет. Адамович и Евовичь от этого даже покраснели (а Жучка, может быть, тоже, но под пестрой шерстью этого никто не заметил). Справившись со стыдом, прекратив это купание красного меня, благодети предложили Ладе свою бескорыстную помощь.

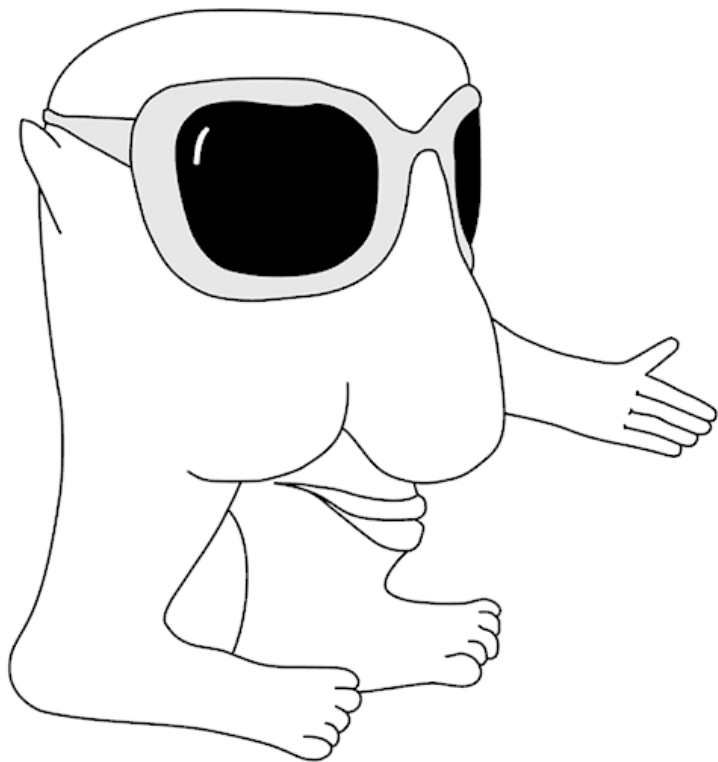
– Идемте, – с готовностью откликнулась та, вытирая пальцы о клумбу.

И вот что оказалось: некие так называемые бабушки прознали, что Лада в свободное от работы время гонит у себя в квартире отличную брагу. Бабушки, не будь дурами, при-

кинулись нуждающимися – кто в щепотке соли, кто в мотке ниток, кто в добром совете – и все ломанулись к Ладе в гости. Слово за слово, дело задело, дошло и до бражки. Всю кашу, что была в доме, они уже съели, а вот бражка не кончается, да и бабушек теперь не прогнать.

Когда наши (конечно же, наши!) герои вошли, живописная компания ни на секунду не уронила интеллектуальной беседы. Бабушка-с-куриным-лицом, повизгивая, стучала по пальцам своей серой тряпкоподобной товарке: «А ты картофельну воду, картофельну воду, картофельну воду пьешь? Мне очень помогает!»

«А мне зять и говорит, а я – ему», – убеждала тряпкоподобная следующую бабушку, у которой глаза под очками были увеличены примерно вчетверо. Глазастая же, в свою очередь, мечтательно и упоенно мычала: «Нонче Паска, Нонче Паска», разбивая впечатление замкнутости-по-кругу беседы.

Следующим номером была Ладушка, Лада.

«Нда, а вы яичками-то запаслись, яичками запаслись? Запаслись? А то все раскупают, раскупают», – причмокивала бородавчатая Баба Яга, разливая очередную порцию бражки. А пятая и шестая бабушки наяривали под столом якобы

втайне от всех в русскую народную игру, именуемую, кажется, ladushky.

«Интересно, почему они любят повторять одно и то же слово по нескольку раз?» – мелькнуло в голове у Евовичи, когда вошедшая последней Жучка обнаружила себя лаем заправского вышибалы.

Что тут поднялось! Бабушки шустро похватали свои стаканы (словно только и ждали сигнала) и, картинно (словно в угоду красавцу-режиссеру) роняя шпильки, очки и вязания, начали давиться к открытому окну. Хрустнула чья-то клюка, замяукала отдавленная нога, но – одна за другой – бабушки попрыгали за окно довольно благополучно и самостоятельно (Первый этаж? Первый, первый, то бишь, пока – без кровопролитий и жертв.)

Лада горячо благодарила. Правда, бражки уже не осталось, да и стаканов, впрочем, тоже, но благовоспитанные дети все равно бы отказались, скромно поджав или вытянув трубочкой – губы.

С третьим персонажем была и вовсе умора. Им оказался не кто иной, как всем известный забулдыга Чирик со смешной польской, не то чешской фамилией Пыжик. Судя по его мутному, слегка испуганному взору, с этим тоже стряслась беда. Он тыкался носом в оставленную кем-то на лавочке книгу про Комбинзона Конфуза, пытаясь найти в ней ответ на вопрос.

– Кажется, я потерялся, – молвил он, чуть не плача, – кажется, я перебрал этой самой водки. Помню, как выпил рюмку, выпил две, а потом вдруг всё потемнело, зашумело и...

– А нам папа говорил, что ты пьешь только воду из Фонтанки, а про водку сочинили нехорошие дяди, – с провокационным изяществом присела в книксене Евовичь.

– Что, из Фонтанки?! Вот оно, слово найдено! – закричал Чижик. – Так я ж живу на Фонтанке, а я и забыл, всё забыл, потерялся!

– Вообще-то, Фонтанка – это очень далеко отсюда, – одернул Адамович сестру, явно намылившуюся помочь этому бедолаге.

Чижик ударился сначала в слезы, а потом, когда это не помогло, – в грязь лицом. Пришлось его утешать.

– А может, меня опять украли? – вкрадчиво предположил он наконец. – Так бывало уже не раз. То друзья мои собутыльники попытались продать меня, бесчувственного – даже не за понюшку табаку, а просто так, ради смеха. То сумасшедшая старая дева, торгующая гербалайфом, возомнила искоренить меня как символ нетрезвого образа жизни. А однажды я даже был замешан в шпионский скандал.

Но тут Чижик осекся, видно, подумал: а не сболтнул ли я чего-нибудь лишнего?

Никто из них не знал, ходят ли до Фонтанки поезда, летают ли самолеты. Решено было отправить Чижика заказной бандеролью, на что он сам с радостью согласился.

– Спасибо, братцы, век не забуду вашей доброты, – пищал он отрезвело, пока его закручивали в несколько слоев плотной бумаги, заклеивали скотчем и проделывали в получившемся свертке дырочки для дыхания.

«Фонтанка», – написал Адамович в графе «куда». Потом подумал и добавил в графу «кому»: «Чижик Пыжику». И так объяснил сестре:

– Может, почтальон и не знает, где такое Фонтанка, но где живет Чижик Пыжик, он знать обязан.

Евовичь кратко кивнула, и они побежали дальше – прижучивать Гулю.

А вот дата рождения второго моего героя: 19... Ему тоже пришлось стать инициатором разрыва с любимым человеком. Но, как это принято, – всё по порядку.

Был теплый вечер накануне похмелья. Матвей в угоду стародоборорусской традиции философствовал с приятелем в кабаке. Подобно анекдотному Чапаеву, с помощью наглядных пособий планировавшему наступление, Матвей ворочал абстрактными понятиями, возя по столу стаканы, вилку и одно треснувшее блюдо (приятель его не закусывал). Справедливости ради (только ради нее!) добавим, что философия Матвея не была дочерью зеленого змия, то есть, и в трезвом состоянии он размышлял регулярно и столь же сложно-отвлеченно, как ныне. Товарищ его по прозвищу Платочек (жалкий остаток уважительного Платончика, наследства первого курса философского факультета) едва поспевал за мыслью коллеги. И то правда, мысли этой становилось всё просторней, а словам, следовательно, – всё теснее. Первая уже неслась во всю скачъ, последние же наступали друг другу на лицо.

Еще пивком полирнем – и на воздух, – предложил Платочек слегка раздраженно.

Когда пиво, налитое слабой рукой, стало эманировать из кружки, Матвей невольно отдернул ладонь. То, что было

сейчас Абсолютом (ладно, пускай по-твоему, Божественной субстанцией) или испачканным блюдцем – упало из-под локтя на пол.

Вот те на!

Так-то ты свергаешь своих идолов?

А из-под прилавка к ним уже вынырнул серенький человечек с квитанцией наготове:

Сквитаемся, господа, – (полагая, что «господа» – высшее проявление иронии).

Господин Матвей Марков привычным жестом сунул человечку десятку, говоря и всё больше дуря:

Я не суеверен, ты не подумай, и не склонен к восприятию слезливых метафор, которыми потчует нас случай, но меня всегда беспокоил пример Кьеркегора, ставшего великим мыслителем из-за того, что его батюшка некогда поссорился с Богом.

Писанная от руки квитанция почему-то гласила (голосила): «За разбитую пару посуды (чашка с блюдцем) уплачено 10 рублей».

Кажется, наша метафора разрастается и начинает жить независимо от нас, – Матвей с отвращением сунулся в теплую пивную пену.

Э, нет, братец, шалишь, счас они у меня такую пару увидят! – Платочек, подходя к стойке, вынул из кармана и натянул на лицо овечью маску. – Пжалуста, чай без лимона!

Потом, задумавшись на секунду: выпить чай, вылить

или – прям так – хлопнул чашкой вместе с содержимым об пол.

Когда его выволакивали на свежий воздух, он размахивал смятой квитанцией и – очень довольный своей шуткой, рычал и смеялся:

Оплачено!

Да, разного рода критики и преподаватели, заправские ловцы скрытых смыслов, уже, наверное, нашарили кой-какую опору и с надеждой смотрят вперед или оглядываются по сторонам, пока наши герои (Матвей с Платочком) спускаются по эскалатору в метро. Они озираются в поисках Ивана и Луки. Ну на, держи ее скорей! Уговорили. Вон тот круглощекий милиционер, чье метрошное дежурство закончится с минуты на минуту, – Ваня, Иван Петрович. С Лукой немного сложнее. Хотя, впрочем, вот этот старче, подсчитывающий пятаки за свою убогую игру на губной гармонике, – нехай будет Лука.

Мария? Нет, ее зовут Фенечка, просто Фенечка – не то имя, не то прозвище, а впрочем, тоже не без скрытых дополнительных смыслов.

Высокая и сутулая, увешанная всякой хипповской ерундой, она показалась пьяному Матвееву взгляду странной и некрасивой. Его остановило и слегка ударило, во-первых, то, что она ждала последнего поезда совсем одна на всей платформе, но нет, не это. Она читала его книгу, книгу рассказов, выпущенную полгода назад тиражом 200 экземпляров и

гупо затерявшуюся в толпе заносчивых бестселлеров.

Сам себе удивляясь (ибо – не любитель эффектных сцен), он нашарил в кармане ручку и подошел к барышне:

Не желаете ли автограф, дитя мое?

Осел! Какой неестественный покровительственный тон! Но ведь он всё еще думал расписаться и тут же сесть в противоположный поезд!

От неожиданности она посмотрела на него не таким долгим взглядом, как положено в романах (эх, ты!), и серьезно спросила:

А вы автор?

Он заметил, что она слегка косит левым глазом, и это его почему-то отрезвило.

Извините, так гупо у меня получилось, но я очень редко вижу живых читателей... своих читателей.

Матвей вытер пот и, скомкав, сунул носовой платочек в карман и ручку тоже.

Да, действительно гупо, – улыбнулась она уже в вагоне. – Тем более что на этом экземпляре уже стоит ваша подпись.

Чудовищное совпадение! Книгу дала ей почитать подруга, Матвеева согруппница Ира, буквально выклянчившая тогда у него этот автограф.

Он повис (на поручне?) на желании спросить, как ей нравятся, потом – взглядом – на ее бусах – и снова удержался. Выручила она, позаботившись, не на следующей ли ему? Он покачал головой.

Жаль, а то бы я вам рассказала...

– Мне не на следующей, мне вообще нужно было в другую сторону, но я...

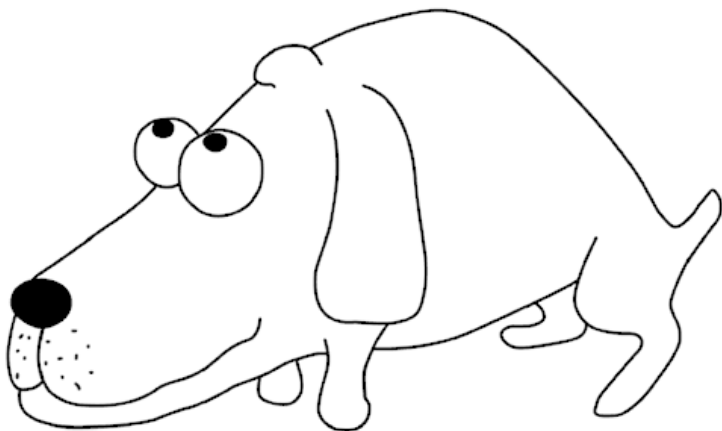
Вот так и получилось, что он пошел ее провожать.

В десяти метрах от желанной площадки Жучка встрепенулась. Близнецы поняли, что она должна засвидетельствовать почтение, и не стали ей мешать. Это был обряд своего рода. У забора под кустом бузины более или менее беспорядочно толпились собаки всех мастей, ростов и возрастов, преимущественно беспородные. Толпились они вокруг коротконогого ушастого существа, строго восседавшего на складном стульчике. Существо было бы похоже на некоего собачьего царька, если бы вообще было похоже на собаку. Но нет, четвероногие плебеи подходили и подавали ему лапу совершенно бескорыстно. Что, собственно, Жучка проделала тож. Существо плавно посмотрело Жучке в глаза и что-то пометило в своей записничке. А все сделали вид, что ничего не заметили.

На площадке былолюдно и собашно. Интересно, хоть когда-нибудь наука объяснит феномен поразиттного сходства внешности собак и их хозяев? Потому что уже пора. Всех гулявших вразнобой животных и слонявшихся поблизости людей можно было с легкостью распределить по парам: собака-хозяин, чем наши маленькие герои моментально начали развлекаться.

Старику-лесовику, седому заросшему колли явно принад-

лежал потасканный хиппан с невероятным рубильником, рыжая школьница с рыбьими глазами относилась к пуделеобразной скакливой бестолочи, а сытая тетя божий одуван досталась безобидному шарпею. Причем последние явно покупали одну на двоих краску для волос. Затруднение вызвал хитрый старикашка с роскошной щеткой усов, мы не успели идентифицировать его партнера, как вдруг раздался нарушающий идиллию лай.

Жучка виновато насупилась

Лаяла пара, не представлявшая для Адамовича и Евовичи угадывательного интереса (то бишь заранее связанная поводком): мясистая старушенция из армии Ладиных визи-

теров и долготелый бассет (настоящая парковая скамейка). А лаяли они о том, что, мол, площадка перед клубом собаководов – это площадка перед клубом собаководов, а не проходной двор какой-нибудь, и что собакам сомнительного происхождения положено гулять в проходном дворе, а не на площадке перед клубом собаководов. Короче, Жучка не выдержала и огрызнулась (дурында, могла бы еще немного попритворяться глухой). Не так-то просто разозлить бассета, но тут случилось невероятное: пятнистое грозное тело двинулось в сторону Жучки. Та изогнулась и ярко брызнула наутек.

Торпеду, набравшую скорость, не остановить – хозяйка повлеклась на буксире, беспомощно перебирая ногами. И было достаточно одного боребрика (sic!) на пути, чтобы горизонталь в ее глазах сделалась вертикалью, дальше бабуля поехала уже на животе, судорожно сжимая поводок и цепляясь зубами за траву. И только когда снова выехали на асфальт, собаководша вспомнила о своих руках и стала тормозить одной из них. Жучка улепетывала, визжала, испуганно дразнясь. Неизвестно, как долго бабассеты продолжали бы погоню, если бы из клуба собаководов не вышли и не крикнули бы: «Прекратить! Что за свинство!» Эти двое были: сумрачный ротвейлер в железной сеточке от укусов (он теперь не царь зверей, просто приседатель) и – Инфаркт Миокардович, он же хозяин Сумрачного, он же директор клуба, он же Кощей Бессмертный (он же – резидент иностранной развед-

ки, но это выяснится позднее).

Он приказал «Пройдемте!» всем виновникам по(д)тасовки. Ими, по его мнению, оказались: пара бабассетов, Жучка и почему-то Евовичь. Адамович затеял вежливый спор, Евовичь в страхе заломила руки: я без брата никуда, Жучка виновато насупилась (где только она суп нашла в таких экстремальных условиях?).

– Девочка, не оказывай сопротивления, – посоветовал Инфаркт Миокардович. (Не забыть добавить про его не то липкий, не то жирный взгляд.)

Тяжелые двери задвинулись за чуть-не-плачущими, и сумрачный ротвейлер сел на пороге сторожить.

Читателя надо любить, надо вовремя подавать ему обещанный стакан воды. Да-да, мой дорогой, сейчас будет лирическая пятиминутка.

С первой же встречи она одарила его желанием слушать звуки. В покачнувшемся воздухе он запомнил сырое ворчание города, и немудреный вензель ее голоса впечатался в ночь.

Эти первые проводы слегка затянулись, зацепились за провода – игрушечным парашютистом.

Слишком необыкновенной показалась Игрушенька Марку, и он ежился от опасения сказать что-то банальное, не из ее волшебного мира. Одна прядь волос, торчавшая горизонтально над ухом, не поддававшаяся расческе-завивке, чего стоила!

И говорили-то они не много, а если и – то совсем не так, как будто знали друг друга давно или всю жизнь шли к этому дню. Коварное непонимание болталось между ними – ее длинная до плеча серьга – и дразнило, и не давало расстаться.

– Всё-таки мне действительно пора, – наконец сказала она, слегка придушив фитиль своего очарования. В этот момент автобусы до ее дома как раз перестали ходить. Марк трезво вступил на дорогу и призывно махнул плывущим на-

встречу наглым авто. Из полутьмы выросла и замерла услужливо «Газель», но лишь только задвигая свою даму внутрь, Марк опознал в этой машине «Скорую». Грубо тронулись и задрезжали, бледные шторы вяло забили тревогу. Матерок шофера (вполне самодостаточный) спрятался за механическим голосом диспетчерши: рация выплевывала адреса, фамилии, заболевания.

Тебе не по себе? Тебе не по тебе? Тут еще эта луна клыкастая пыталась отодвинуть штору. Пятый, пятый, Костромская тридцать, квартира сорок два, сорок лет, сердце. Всем охота зарабатывать денежку. Восьмой, площадь Ленина, три, квартира два, Тараканова, гипертония. Дай спички. Шипение. Пятый, пятый? Первого слышит кто-нибудь? Шипение. Беременность тридцать восемь недель, обморок...

– Вы не хотите посетить всех этих больных? Мы, право, сами... – шепотом наклонилась Грушенька к санитару.

– Да не, мы уже, – и кивнул почему-то назад, к зашторенному чреву машины. И Марка пронзило, что после этого он тем более никогда не сможет встретиться с ней. Ибо нужно будет вспомнить эту отвратительную поездку и ее задохнувшееся ой, когда она сдуру сунула нос за кулисы.

А может, она сама всё это подстроила и разыграла, не в прямом смысле, конечно, а как-нибудь так, по-ведьмински? Ишь, рыжая, – и он упрямо молчал вплоть до последнего рукопожатия.

Здесь мой телефон, – невыразительно пробормотала она

и сунула ему в ладонь что-то вроде визитки. А это было уже совсем пошло. Он хотел разорвать не глядя, но, шагая вдоль мертвых улиц, передумал и увидел в синих судорогах фонаря, что держит абсолютно белый, абсолютно чистый кусочек картона.

Всё это он снова поймал (весь этот долгий абзац очеркнула ногтем ушибного месяца ночь), когда прыгал на черную насыпь из вагона притормозившего – по причине, известной только ему одному, – скорого поезда.

Впрочем, беспорядок тоже не помешает. Нарушим очередность, не то у елочки зарядит в глазах от такого однообразия в хороводе. (Предыстория героя?)

Когда еврейский папа Матвея женился на его русской маме, некоторые многочисленные родственники предсказывали даже конец света. Но всё обошлось. Больше других радовалась матушка Роза, предводительница клана, заявляя, что, дескать, у нее стало одним сыном меньше (и действительно, с тех пор они ни разу не встречались).

Илья Марков, читатель и мечтатель, с шизинкой в голове и с шилом в попе, не захотел меняться после женитьбы. Трудно понять, чем питались молодые супруги, известно лишь, что оба они долгое время нигде не работали: к кому-то ездили, ходили ходуном или еще куда-нибудь, в общем, пытались играть с реальностью в прятки. И в конце концов доигрались.

А детство Ильи было знаменательно тем, что он каким-то образом ухитрился проклясть бога. Не то чтобы жизнь была очень тяжелой, просто так получилось. Тосковал, наверное, сильно по идеалу, вычитав его из умных книг, хотел чуда внезапного от тоски, да и не получил. Тогда выбежал он из дому темным вечером на пустырь за гаражами и закричал в воздух.

Потом жалел, конечно, мучился.

Даже будучи взрослым и женатым вспоминал иногда тот страшный вечер, и сразу ровное течение жизни как-то некрасиво вывихивалось в его голове.

Наверное, года через два после разрыва с родительским домом, поехал, как говорится в сказках, Илья в лес. За новогодней елкой, с рюкзаком и на лыжах. А к обещанному времени не вернулся. Не вернулся и на следующий день. Жена его отказалась вступать в новый год одна, проревев всю ночь на неприбранной кухне, осталась в году старом, там, где была еще счастлива.

А дальше и вовсе пошла какая-то неразбериха. Милиция, розыск, душное ожидание и ни на миг не отпускающая тошнота. И только в апреле, когда сошел весь снег, в том числе и в лесах, ее, с пятимесячным стажем беременности, пригласили на опознание тела.

Врач выдвинул такую версию: разогнавшись на лыжне, Илья случайно наткнулся на лыжную палку, потерял сознание и беспомощно замерз, не приходя в себя.

Вещи были, конечно, его. Из рюкзака торчала облысевшая елка. Но то, что осталось от живого тела, то, что сохранилось под снегом до весны, жена Ильи решительно не признала. Поверх своего отвращения и горя она почувствовала удивление; мысль о том, что ее обманули, надолго поселилась внутри и лишь немного успокоилась рождением сына.

(На этом предысторию пока что закончим, потому что это,

в конце концов, не житие святого и не детские годы багрового внука.)

Что оставалось Адамовичу делать? А ничего ему делать не оставалось! Он попробовал кусать локоть – оказалось – это из другой поговорки, да и невкусно. Огляделся – зрительская массовка растекалась, отыграв свою роль. (Люди и звери разбились на пары и разошлись по домам.)

Один только Йошка остался стоять на площадке рядом с Адамовичем. Был этот Йошка племянником Инфаркта Миокардовича и руководителем школьного клуба «Кис-кис», обещавшего в ближайшем будущем сделаться городским кошководческим и составить конкуренцию собакам. Уже сейчас у этого шустрого мальчика был самый красивый в городе кот – все это знали. И вот теперь будущий хозяин будущей организации «Йошка & Ко» обратился к Адамовичу с выражением так называемого участия на сладкошачьем лице:

– Я всё видел. Это чудовищная несправедливость, ваша сестра ни в чем не виновата. Идемте, я помогу вам.

И почему-то, когда он говорил, слюна не вылетала у него из рта, а наоборот – залетала.

Адамович задумался над этим Йошкой. Есть люди, которые любят собак, и есть люди, которые любят кошек. Издавна те и другие враждуют между собой (незло). А есть люди, которые любят и собак, и кошек, но как-то чрезмерно. Сами

себя они считают добрейшими людьми на всем белом свете (и убеждают в этом некоторых наивных). Сие ложь: все зоолюбы более склонны к предательству и долгой обиде, чем остальные смертные, и они никогда не знают, о чем разговаривать с маленькими детьми.

У Адамовича, правда, не было причин не доверять Йошке, и он вяло последовал за внезапным другом.

Увидев мужчину в сером костюме, Адамович подумал. (Не слишком ли много размышлений подряд для одного Адамовича?) На мужчине в серой форме висела рация и неласковым голосом лаяла. И было похоже, что это человек – вслух, не раскрывая рта, думает.

Наверное, милиционеры – самые широкомыслящие люди, – все-таки подумал Адамович.

По коридору районного отделения и далее – в кабинет Йошка прошел как по своей квартире. И еще удивило Адамовича то, как быстро удалось Йошке состряпать необходимое заявление по форме, но рассуждать уже было поздно, да и бесполезно. Дядя в каких-то погонах, короче – дядя Берендей – позвонил в настольный колокольчик и сказал, преданно глядя в глаза Адамовичу:

– Нэ валнуйся, малчик, я пашлю своих самых отчаянных добрых молодцев, проста весь ментылитет нации; и они быстро расправятся с...

Он не успел договорить, и Адамович не успел спросить, какая нация имеется в виду. Вошли трое, вытаскивая раз-

бойничьи лица из-под фуражек:

– Белков, Жиров и Углеводов для выполнения специального задания прибыли.

Да, пожалуй, сейчас Сумрачному не поздоровится...

– Именем закона! – закричал Белков, дубася в железную дверь.

– Именем розы! – закричал Жиров. А Углеводов не закричал ничего, но почему-то подмигнул ротвейлеру, всё еще сидевшему на стреме.

Самоотверженный Адамович ринулся в щель приоткрывшейся двери, но был схвачен сзади чьими-то не менее железными руками. Головорезы впустились внутрь, а наш герой опять остался снаружи один. Даже Йошка куда-то убрался с поля его зрения (в пылу праведного гнева). И только тут медленным холодком на сердце стал доходить до Адамовича смысл преданного Берендеева взгляда. Нас предали!

Он бросился на шею Евовичи, которая шла по другую сторону наручников от Жирова. Связанную Жучку тащил Белков. Углеводов шел сзади и ухмылялся.

Куда вы их? Возьмите меня тоже! – Не положено! Инструкция.

На Евовичи прямо не было никакого лица, на Жучке, соответственно, – морды. Углеводов уже разворачивал решетчатый фургончик с хрюкламой детских подгузников на борту. Адамович долго-долго бежал за автомобилем и кричал

сестре и собачке, как он их любит, как он их спасет, а перед глазами его мотались веселые человечки в одноразовых бумажных трусиках, а в ушах звучал следующим кадром голос Инфаркта Миокардовича: «У вашей сестры были найдены секретные чертежи и фальшивые документы, теперь ей будет предъявлено обвинение в измене родине, или в шпионаже, что, впрочем, одно и то же».

Измощенный бегом и недоумением Адамович со всего размаху таки ударился в грязь лицом и зарыдал во весь голос.

Марк шел, дезориентируясь по звездам. В его чемодане лежало несколько вещей несколько странного свойства. Что-то похожее на детский конструктор или на художественно оформленную мышеловку. Бесплатный сыр прилагался, а также нога жареной птицы, дорожные шашки, паспорт и два носка. Прилагавшееся имело целью выдавать в нем рассеянного пассажира второго класса, отставшего от поезда. Впрочем, маскировка не пригодилась, и всё поименованное было заживо сожжено по прибытии на место.

Это был его первый поход на луну.

О несовершенстве мира уже не думалось, перестал раздражать своими преющими прелестями апрель, и вот за первым поворотом Кассиопеи обнаружили поляна и дом. На поляне в изобилии произрастали качели, жили деревянные лошадки и слоны. И если первые всего лишь смахивали на виселицы, то последние и вовсе неподарочно скалили зубы под лунным сиянием.

«Летний лагерь детского сада», – ухмыльнулась вывеска. Марк достал из чемодана конструктор-мышеловку и с ее помощью открыл, не стуча, дверь, как открывают свою собственную квартиру, некогда оставленную на съедение годам. Длинный коридор потянул его в себя вместе с дыханием сквозняка. В чуть живом свете двух ламп боковое зрение

отметило выставку детских рисунков.

И вот наконец они предстали друг перед другом. За оранжевой дверью, которую Марк открыл опять же ни в коем случае не стуча, сидел в кресле мелкий, страшненький человек – сидел с видом судьи, сатаны или вахтера. Навстречу он, однако, встал – настоящий мэтр с кепкой – и протянул руку. Марк молча вложил в нее содержимое своей. Человек в полсекунды сканировал взором странный предмет и немного оттаял.

– Ваша комната номер семь. Чемодан оставите здесь. Завтра вы будете владеть дальнейшей информацией, – голос его прозвучал отнюдь не инфернально, как можно было предположить, – подумалось Марку уже на пути к месту ночевки.

Работа Дома на поляне была налажена безукоризненно. Все обитатели занимались Своим Делом, но никогда не встречались друг с другом. И только товарищ Мэтр с кепкой да прислуживающий персонал – женщина, немая как сырая земля, – знали в лицо всех заложников летнего лагеря.

По утрам женщина приносила пищу и бежевый Конверт с информацией к размышлению. И с ней, глухонемой, и с хозяином позволено было общаться лишь невербальными знаками, начиная с простейших человеческих жестов, заканчивая – вполне осмысленными.

За всю историю бывало несколько случаев схождения (по мукам) с ума. Но и тогда никто не слышал ни бьющихся сте-

кол, ни ночного мотора. Каждому казалось, что в Доме на поляне живут всего лишь трое, каждому из двенадцати (двадцати четырех, ста сорока четырех). Приходящий в этот дом должен был пережить смерть, очистить свою память, равно как и память о себе. Если же кто-нибудь сомневался, забывался, а тем паче отказывался...

Никто из посторонних – боже упаси!

Впрочем, на лето сюда действительно привозили детей – пятерых сопливых даунят, и тогда женщина, обремененная новой бедой, переставала приносить ежедневную пищу.

Марк не сомневался и не вспоминал. Только однажды, сидя на полу камеры и оттачивая напильничком свои звериные рысьи зубы, он почувствовал, что существовал когда-то раньше. Словно кто-то пытался гаданием вызвать его образ на водной глади, словно умело разыгранный спиритический сеанс потянул его душу из душевной могилы.

– Он живой, – сказала кудрявая экстрасенша, возвращая Грушеньке фотографию, – но в плену. Он будет долго искать, но ты его уже вряд ли найдешь.

Марк стряхнул с себя наваждение и продолжил работу.

Этот паштет «Орлиная радость» оказался нечревоугоден, и нашей гастрономической бабушке пришлось волей-неволей обниматься с белым фаянсовым другом. Кто не испытывал дивного ощущения, когда всё содержимое тела рвется наружу через рот, через нос, через уши, а потом наступает временное облегчение и умиление души?

Уже само по себе пищевое отравление могло послужить дурной приметой (а по части народной приметологии бабушка однажды чуть Жучку не проглотила: чайник не ставь носиком на восток, зубную щетку мимо зеркала три раза не проноси, а уж если угораздило тебя поздороваться через порог, то присядь на одной ноге и прочитай в таком положении «Отче наш» тридцать три раза, ну и так далее).

Теперь вот о чем я: содержимое бабушкиного желудка легло на дно унитаза таким рисунком, что старушка мгновенно поняла: ее внуки-близнецы стрясли над собою беду.

Не долго думая, бабушка заговорила сама с собой, что она делала всегда в минуты бедствий. Вытащила свой старенький телевизор «Горе-зонд» на середину комнаты, включила его так, что он стал показывать три программы сразу, и заходила вокруг него, колдуя и приборматывая. И вот все три программы замигали, погасли и показали иные картинки: одна – растерянного вдоль улицы Адамовича, другая –

Евовичь, сидящую на полу камеры, а третья – Жучку, почему-то распятую на операционном столе.

И вдруг в дверь позвонили. Бабушка бросилась со всех своих (трех вместе с палочкой) ног – открывать. Эта худая рыжая девица никак не была связана (по мнению бабушки) с историей близнецов. Чего тебе, милая?

– Извините, но мне сказали, что вы... Говорят... одним словом, что вы можете ясновидеть. Не могли бы вы мне только одно... Сказать, жив этот вот человек на земле или...

Бабушка соображала несколько секунд, чего же от нее хотят, глядя косо в предлагаемое фото. Потом произнесла сухо (после отравления во рту всегда пустыня):

– Я потеряла внука, внучку и собаку Жучку. Я должна их найти. А несколько дел сразу я делать никак не могу. Извини. (То бишь не дала девушке хлебнуть солоно.)

Тут ее снова внезапно затошнило, и посетительнице пришлось мгновенно отпрыгивать назад, за недостижимый порог, дабы не запачкались фотография и платье. И еще в ту же секунду в комнате раздался маленький, но весьма тревожный взрыв. Это – когда бабушка доковыляла обратно, она увидела – сгорел от чрезмерного напряжения ее старенький телевизор, оставив ее безо всякой абсолютно связи с внешним (потусторонним миром).

Тем больше Матвей удивился, увидев ее. В прошлый раз, в первый раз, они расстались на пустом месте, потеряв друг к другу всякий интерес. Теперь она вынырнула из толпы журналистов и сказала:

– А я давно за тобой наблюдаю, – и потом приказала-вспросила, – пошли...

Он попал на эту встречу со знаменитой японской писательницей Охо случайно. Бездельничал внутри книжного магазина и вдруг заметил приятеля – уголочком стеклянных дверей – тот поднимался на третий этаж, к себе в издательство. Матвей побежал догонять его и тут оказался участником приема и пресс-конференции. Охо обнародовала себя в меру худенькой и не в меру улыбчивой дамочкой. Главная редакторша Эдита Выходная манерно выворачивала локти и вытягивала губы в сторону публики (это когда молчала), а когда говорила, ее чистый, розовый русский язык как-то не в меру обильно вываливался изо рта. Свою скуку Матвей пытался заморить мыслью об активном участии в культурной жизни города.

Когда из всех зрительских пальцев были высосаны все необходимые вопросы, а японку повезли куда-то дальше, банкетить, Олег наконец-то заговорил с Матвеем, расслабившись в курительном углу:

– Ну и намучился я сегодня с госпожой Охо: в аэропорту встретил, потом – в гостиницу, потом – в Союз писателей на одну встречу, теперь – сюда. А еще, – он закашлялся дымом-смехом, – мне родное издательство дало очень пикантное поручение. У нас, видишь, ремонт еще не закончили, а за сортир и вовсе не брались, он у нас – дай боже, хуже привокзального. Мне Эдита и говорит: «Сделай все что угодно, чтобы знаменитость в наш туалет не запросилась, пусть или до или после свои дела делает, только не в издательстве». Милое дело, говорю, я в Союзе писателей сам ей должен предложить: мадам, не желаете ли посетить писательские удобства? Я – к переводчице: Таня, выручай. В союзе всё шпионил за Охой, смотрю – удалились они с Танюхой, а я облегченно вздыхаю. Тут до нашей конторы два шага, авось, думаю, пронесет – встреча длится час, а там... Щас, представляешь, Охо встает из-за стола и опять с Танюхой шепчется, а Эдита меня испепеляет взглядом, как будто это я виноват, что у японки...

Вот тут и подошла Фенечка и сказала, не глядя на рассказчика: «А я давно за тобой наблюдаю. Пошли?»

– Значит, ты журналистка? – он теребил слова, не зная, что сказать, и, заказывая пиво, поведал ей только что услышанный курьез.

У Фенечки глаза были из тех, что радикально меняются в зависимости от освещения и цвета одежды. В прошлый раз

они казались ночными и темно-карими, теперь на ней было зеленое пончо и малахитовые серьги-висюлины.

– Надо будет записать, где-нибудь это использовать, – говорила она, гибко ерзая, при этом уютно, зелено хохоча.

– За что и ненавижу журналистов, – поморщился он.

– Простите, господин сочинитель, не хотела оскорбить ваши лучшие чувства! – но сама она не обиделась и продолжала, закуривая. – Одно время мы с подругой снимали на двоих комнату. Я тогда смертельно уставала: училась, работала в двух газетах. И каждый вечер, когда подруга укладывалась спать, я говорила ей: «Я еще поработаю, мне нужно срочно написать статью». Она выходила на минутку в ванную или на кухню, а, возвращаясь, заставляла меня мирно спать. И так каждый раз. В конце концов фраза «написать статью» стала у нас эвфемизмом отхода ко сну... Тебе что, так сильно скучно?

– Ничего, ничего, продолжай.

– Да я уже закончила.

И опять ее неправильный, ускользающий взгляд вдохновил его на подвиг. Матвей двумя руками взял со стола ее ладонь с единственным кольцом и мягко произнес:

– Продолжай, говори. Я хочу знать о тебе как можно больше.

Какая-то клавиша предательски запала, сфальшивила. И тут Фенечка показала себя мастером неадекватных реакций. Свободной рукой она утопила сигарету в пиве, выво-

локла изо рта старую жвачку и, вложив ее Матвею в ладонь, нажала сверху на пальцы. Потом встала и вышла из кафе.

Он скрипнул зубами: что-то вроде любви-ненависти просыпалось в нем: дай? – die!

В третий раз он сам ее нашел. На первом же мероприятии, которое прессе полагалось освещать. Подошел, взял за руку, а она пошла.

В тот раз он так крепко ее напоил, что угловатая насмешливая гордость сломалась пополам, и Фенечка долго плакала лицом в окно, в стол, в его лицо, плакала о ком-то похороненном, но незабытом. И когда наступила ночь и их попросили из заведения, она не могла идти и падала от отчаянья, теряла сознание под каждым фонарем. Тогда Матвей взвалил ее костлявое журналистье тело на плечо и понес к себе домой, где она, собственно, и осталась до лучших времен.

Это кто же сказал, что двум смертям не бывать?

Прочитав несколько сотен писем от Мэтра-с-кепкой, Марк заново научился понимать, ходить и говорить (причем на нескольких языках) и вот он уже был готов к смерти номер два. Он получил новые личные вещи, память и документы. Он получил новое имя, профессию и манеру пить кофе. Наступил момент прощания с Домом на поляне, момент окончательного рождения в новую судьбу.

Инициация требует жертв. Господин-товарищ Мэтр-с-кепкой жертвовал своим драгоценным временем. По случаю он облачился в огненного цвета форму: на ярко-оранжевый китель набросил алую шинель с тремя большими слонами на погонах.

Инициация требует жертв. Марк Матвеев жертвовал сам собой. Из Дома на поляну – не глядя на луну – он прошел к Мэтру и хотел ему что-то по-человечески сказать. Покачал головой Мэтр и добавил знаками: «Мы слишком хорошо знаем друг друга, мы можем общаться без слов».

«Да, конечно», – Марк изобразил покорность и снова передал Мэтру какие-то предметы.

Это был деревянный какой-то зверь, огромный, в два человеческих роста: не то слон, но скорее – все-таки конь. Наличие таких странных животных Марк обнаружил на поляне

в первую ночь. Еще тогда подумал: «Неужели?»

Исполнение обряда было оформлено до странности бедно, примитивно: банальная канистра с бензином, банальный коробок спичек.

Марк в последний раз кивнул последнему человеку, а тот кивнул ему в ответ. Обливая и поджигая сие троянское чудо-вище, Марк (как и положено) не думал ни о чем. Заглядывая коню в зубы, отодвигая язык и еще языки пламени, залезая внутрь, – сосредоточился на одном, всё согласно инструкции. И только внутри пылающего сруба какая-то ассоциация (горящая рыжая ведьма?) привела его к видению: огненная Аграфена, стоящая на коленях, страшноглазая, с оплавливающимися губами и волосами, – протягивала руки в его сторону, но не к нему. Потому что она была слепая и она его видеть не могла. Марк закричал, как человек, убитый (горем?), и на секунду перестал существовать.

Когда он вышел из огненного бреда, и бред рассыпался пеплом за его спиной, на темной поляне стоял чемодан, а костюм пассажира второго класса дожидался хозяина, будучи повешенным на ветку. И вот, переодевшись и взяв в руку поклажу, этот никому не известный человек стал, не оглядываясь, удаляться от дома на поляне – по направлению к утру.

Когда Адамович вернулся тогда на поклон к Инфаркту Миокардовичу (Баба Яга и Кощей, пожимавшие друг другу руки, непричастно засмотрели при виде его в разные стороны), главный собаковод напутствовал его:

– Ежели хочешь выручить своих родных, увидеть их живыми-невредимыми, сходи для этого туда-не-знаю-куда, найди тово-не-знаю-чево. А найдешь – тогда и посмотрим, как помочь твоему горю.

«Вот это да, – подумал Адамович, – как же я найду его, это чево, если я даже его не знаю, если даже Инфаркт Миокардович, уважаемый человек, хотя и злодей, – тоже тово не знает»?

Грустно чавкая этими мы(ю)слями, Адамович шел и встретил Киссу Каруселькину. Кисса только что проснулась, но еще не успела как следует проголодаться, так что была розанчиком в самом цвету. Только некоторая озадаченность осеняла ее романтическое чело.

Увидев Адамовича, Кисса обрадовалась:

– О! Как я ра-адамович! Вообрази, спала я на скамеечке, где вы меня оставили до лучших времен, и вдруг подходит какой-то дядя, будит меня... Кстати, а где Евович? Будит меня и говорит, представляешь, что мне уже пора стать вол-

шебным помощником, или нет, выполнить функцию... Ну, что-то в этом роде. Говорит – и уходит. Что бы это значило?

– Я не знаю, – Адамович от горя еле языком ворочал.

Ну, Кисса, конечно, начала расспрашивать, Адамович и признался, что позарез ему теперь нужно найти это тово-чево, а без нево, этово чево – и жизни ему не будет, потому что Ево... Тут он заплакал на полуслове и стал собирать слезы в полиэтиленовый пакетик из-под сосисок, участливо предложенный Киссой.

– Ну, дела! И где же ты его искать собираешься?

– Не знаю, – проплакал Адамович, как плавающий студент, случайно попадающий в точку (расставляющий точки над Ё).

– Знаешь что, – предложила разумница Каруселькина, – пойдем, попробуем поискать это чево у меня дома. У меня много всякого барахла, авось чевонить найдется-сгодится. А заодно, – уже вцепившись в руку Адамовича своей ласковой хваткой, – ты расскажешь мне, как всё произошло.

Изучение Киссиного барахла даже притупило на время Адамовичево горе.

– Сколько у тебя этого навалиса! – восхищался он, вертя в руках иллюстрированные кирпичики. – Ах, какая интересная Фкафка! А это что еще за каменное строение (Пётр Арка)?

Кисса скромно, но горделиво жмурилась:

– Это всё осталось от прежних хозяев квартиры. Здесь

раньше жил мой крестный, Мурыс Выходер со своей семьей. Мы ничем уже давно не пользуемся, да я, собственно, и не знаю как. Поэтому я и подумала – может, тебе подойдет. Вот, например, это: на нем даже сверху написано, что оно идет.

– Не идёт, Кисса, а идиот. И, по-моему, это вовсе не то, что имел в виду Инфаркт Миокардович.

– Инфаркт Миокардович? – насторожилась Кисса и невольно зашипела всем своим существом. – Это не он ли тебя случасом за чевом послал?

Тут начал наконец-то Адамович рассказывать всё по порядку. Кисса про себя вздыхала, охала и даже мысленно заламывала свои пухлые запястья от ужаса. Но когда герой дошел до того места, куда привел его хозяин Йошкиного кота, не выдержала и спросила:

– Куда-куда?

– Ну как, в отделение милиции, известное дело, – на улицу Горошковую.

– На Горошковую! – Кисса закатила глаза от стыда за чужое незнание. – Не Горошковая нужна, а Меховая! Мне ли не знать, меня уже столько раз туда забирали за покражу сосисок! – и она быстро-быстро затормошила близлежащее барахло в поисках карты города.

Дальше всё развивалось как в сказке, где скоро дело делается. Адамович и Кисса, ни слова не говоря, бросились на Меховую улицу, пока не закрылось на обед настоящее отделение милиции. Им нужно было срочно обвинить шайку са-

мозванцев с Горошковой в незаконном задержании Жучки и Евовичи, а также, возможно, раскрыть заговор собаководов и кошководов.

А родители решили, что приехал жених. И заматались показывать дочкино (дачкино) приданое. Приданое пружинило с яблонь резиновым и недозрелым звуком, всхрипывало кротовыми эверестами под ногой, приклеивалось к локтям медовыми следами на скатерти, лодырничало распутными кошачьими глазами из малинника, раскачивалось перед носом паутиной мудрых родительских речей, – словом, вело себя не то чтобы очень.

А он всю жизнь недолюбливал эту насильственную природу, эту дачную этику-эстетику. Но Фенечка однажды скрутила ему руки за спиной и сдала с потрохами своим папе и маме (пардон, случайная рифма).

– А говорил, что со мной – хоть на край света...

Он и правда порой не мог на нее наглядеться, но сегодня глядеть получалось с укором. Тогда она, угловато-гибкая, осознала ошибку, взяла его под руку и повела от дома – куда-нибудь в лес. (Родителей оставим навсегда – шептаться о впечатлениях.)

– Я недавно побывала на крестинах. Моя подруга (да, та самая) позвала меня быть крестной ее сынишке. Мальчику сейчас полгода, вот я подумала...

Матвей слушал рассеяннo, ожидая подвоха. Они сели на теплый мурашковый камень.

– Я поняла, почему происходит окостенение души (у некоторых людей) вскоре после рождения ребенка. Нельзя быть слишком подвижной с младенцем на руках: упадешь или уронишь. И ты заставляешь себя застыть, чтобы дать ему ощущение уверенности, каменной стены. А потом забываешь, что когда-то было иначе. Отодвигаешь от себя все страхи и сомнения, чтобы они не мучили малыша, а потом об этих страхах благополучно забываешь.

Матвея умиляло и раздражало умение Фенечки – начиная издалека – попадать в самую сердцевину его размышлений. Иногда она заставляла его смеяться, он с наслаждением погружался в ее интеллектуальный эксцентризм: то изощренно мудрой, то ошарашивающе глупой казалась ему эта девушка. От пламени ее волос среди лета занималась осень, своими худыми неловкими руками она могла запросто переставлять фишки на поле его мировоззрения, он всё прощал ее хамелеоновым глазам... Но только сейчас он понял, как измучила его эта ведьма.

Матвей пошарил в кармане сигарету, но, не найдя – вытащил каверзный вопрос:

– А ты, Лисенок, ты не чувствуешь себя в таком случае ребенком? Моим ребенком?

Так как платье на Фенечке было нейтральное, белое, он понял, что цвет своих глаз она может менять самопроизвольно. Он испугался и сбросил ее с философского камня в цветы:

– Шучу.

Чем он ее больше обидел: этим вопросом, этим шучу или последующим своим бегством?

Насчет подвижности-неподвижности. Был у Матвея в детстве приятель. Не то чтобы близкий друг – очень болезненный, но любознательный, дотошный эдакий Костя. Вместе они ходили в библиотеку, спорили о том, какая линейка точнее: деревянная, пластмассовая или железная, вычисляли дату конца света и задавались вопросом: неужели жук-пылунаец и правда дышит хвостом? В общем, начало истории скучновато. А потом Костя заболел, болел он всю зиму, а в результате всяческих осложнений выяснилось, что он не сможет больше самостоятельно двигаться, даже вряд ли встанет с постели. И тогда всё начало в нем меняться: из лохматого, скучного ботаника пробился и вырос слегка просветленный, слегка сумасшедший человечек, не желающий открывать законов сего мира, но создающий законы свои, откровенно многозначительные и неожиданные. Матвей мог часами сидеть у его постели – и восхищаться, и ругаться, и слушать, и говорить. Кажется, вся самая колкая юность отметалась в спорах с Константином. Он был для Матвея духовным ростомером, слегка опережающим и всегда недоступным. Особенно потом, когда Матвей навсегда сбежал из родного города – продолжая во всем мысленно советоваться со своим другом.

– И вот мы не виделись уже около пяти лет, а я... Я пишу

ему письма, регулярно и, хотя не получаю ответа, но додумываю его партию, то, что он мог бы мне написать, если б мог...

– Так он что, совсем-совсем не может двигаться, даже писать? – искренне пожалела Фенечка.

– Он может держать книгу, может, пожалуй, написать несколько слов, но – с трудом. Зная это, я даже никогда и не давал ему своего адреса, никогда и не просил у него ответа.

– И ты, – Фенечка замерла на выдохе. Вспомнила, что на белом платье нет карманов и неоткуда вытащить каверзный вопрос. Но вот, пожалуй, в туфли набилось много мусора, и если потрясти... – Ты ничего не знаешь о его судьбе? О его жизни? А если ему нужна твоя помощь, друг...

– За ним ухаживают родители...

– А что, если его родители заболели или вот – умерли? А что, если его самого, твоего ростомера, твоего идеала нет уже в живых? Кому ты пишешь свои красивые, свои бесценные письма, писатель?

Как говорится – молчание повисло. Нет, так не говорится – молчание повесилось. Они замерли друг против друга, а между ними замер камень.

Какая-то боль дернула его изнутри, он повернулся и пошел. Понял, что проиграл, не спор, но... И побежал в буквальном смысле, смутно представляя, но доверяясь интуиции, – в сторону станции, туда, откуда привела его несколько часов назад нежная и рыжая судьба.

Наконец-то покончив со смертями, новоявленный Марк прибыл на место службы (место это находится где-то в Европе, около или, скорее, под).

Прежде всего ему предстояло освоить на практике весьма изощрённый (слегка извращённый) способ получения и передачи информации.

Его официальная служба не была ни опасна, ни трудна: день-деньской он колесил по городу на раскрашенном рекламной автомобильчике и развозил заказанные завтраки, обеды и ужины. Пицца там, птица и прочее. Так вот, колеся по городу, он должен был выуживать и собирать воедино крупицы оставленных для него и зашифрованных посланий. Витрины, окна, рекламные щиты, так или иначе ежедневно изменяясь, складывались в смысловые тексты. Синий костюм манекена в угловом магазине готового платья или капуста, разложенная справа, а не слева от моркови в овощной лавке, — значили то-то и то-то. Орфографическая ошибка в объявлении о приеме на работу — что-то свое, иное. А оторванный и приклеенный желтым скотчем угол концертной афиши в сочетании с той же капустой — образовывали целый пучок смыслов, расшифровать который было под силу только опытному разведчику.

Первые дни Марк учился читать город, сначала по сло-

гам, а потом все беглее и беглее. Такой сложнейший способ кодировки имел два явных преимущества. Во-первых, агенты могли общаться со своим шефом почти лично, никогда не встречаясь с ним и не зная его в лицо, а во-вторых, исключалась возможность провала и предательства. Ибо поди докажи какой-нибудь контрразведке, что флюгер на зеленой башенке жилого дома, застрявший под углом 30 градусов к ветру, означает грядущее падение цен на нефть на мировом рынке, а 35 градусов того же флюгера говорят об успехе переговоров в Бернелозанне.

Всему этому он научился, сидя в Доме на поляне. Стоит ли разъяснять проницательному читателю нерукотворность происхождения этой азбуки? Нужно ли также подчеркивать, что ответы начальству не требовали со стороны Марка ровно никаких усилий? Мудрый резидент знал обо всех действиях своих подчиненных, изучая, к примеру, порядок флаконов на своем туалетном столике или сочетание кактусных колючек в окне дома напротив.

Информация – штука могущественная и самодостаточная, нужно только уметь ее добывать, это, надеюсь, понятно? Таков был ключ и девиз шифра, открытого, но не изобретенного Хозяином Дома на поляне.

Увлечшись чтением шпионского романа, создаваемого жизнью, выпускаемого городом, – Марк едва не забыл, что надо жить. В том смысле, что окружающие (сослуживцы, клиенты, соседи) едва не заподозрили в нем не того, за ко-

го он себя выдавал. Едва не забыл, что молодой парень, сын дантиста, недавно перебравшийся из провинции поближе к столице в поисках работы повеселей, должен любить девчонку и пиво. И шумных друзей. Должен иметь увлечение типа футбола или автомобилей. Должен быть остроумным, ленивым и грубоватым, но в меру, дабы не отворотить от себя никого, кто пожелает обратиться к его скромной персоне за приятным впечатлением. Но всё это Марк вовремя вспомнил.

Когда-то он был равнодушен к пиву, а футбол презирал, как пустую трату времени. Но, будучи хорошим актером, теперь не зевал и не скрипел зубами в пабах и на стадионах. Ну и, соответственно, свет в конце концов – решил... и принял его в свою тусовку безоговорочно.

В выборе девушек для общения он почему-то ухитрился заклиться на рыженьких. Их было несколько, две или три штуки, и все ему странно что-то напоминали. Одной из них он даже подарил деревянные длинные серьги (ее уши оказались непроколотыми), но в общем ухаживал как-то сонно, не тыкая девушку носом ни в свои, ни в ее чувства.

Однажды после работы он подвозил огненноглавую лапушку Анну, колося, вез как положено околесицу. Она хихикала, теребя в руках какой-то предмет, от которого брезжило дежавю, подкатывало к животу и снова прядало, не дотягивая до воспоминания, до облегчающего чиха-оргазма.

Перед тем как выскочить из машины, птичка наклонила

к Марку свое миловидное спасибо и поцеловала ему щеку. При этом движении качнулся и вернулся обратно серебряный крестик над модным квадратным вырезом. Марк дернулся и неловко стукнулся о невидимую преграду: ему показалось, что Анна заговорила на каком-то чужом языке, языке транса, языке предков или потомков: «Подожди, я сниму уж тогда и его, потому что стыдно, потому что мы с тобой невенчанные, потому что я не хочу, чтобы он видел... помоги расстегнуть цепочку, положи там... не потеряй...»

Реальность вернулась – образ из предыдущей жизни, узурпировавший на секунду сознание Марка, ретировался. Рыжая грудастая дива быстро мигала, кокетничая через плечо в захлопнутую дверь, а проходивший мимо почтальон держал в вытянутой руке бежевый конверт и вытирал рукавом этой вытянутой руки пот со лба. Вся увиденная картина снова заставила нашего доблестного разведчика вздрогнуть. В девице и в почтальоне он увидел, прочел... Так, теперь – клумба – желтые цветы, дальше – белые шторы и – облако в виде буквы зю. Черт возьми! Он продолжал лихорадочно читать, схватывая знаки, заводя мотор.

Сорвался с места и – на площадь. Наконец-то! Как давно он ждал этого! Всё в точности – голубь на плече конной статуи поставил точку в этой шифровке (утром ее смоем педантичный служитель).

Придя домой, задвинув шторы, заточив карандаш и отослав служанку, наш герой мог бы записать и сжечь в пепель-

нице следующее:

«.....

Но он не сделал этого, он...

На Меховой им сразу повезло. Не успел Адамович подумать о том, что милиционеры – это, наверное, чревовещатели (или что-то подобное он уже думал когда-то?), как изможденный опытом работы и непрерывным трудовым стажем капитан (Капитон Капитоныч) заинтересовался их делом.

– Что, опять сосиски? – захмыкал он, ошибочно принимая Киссу за обвиняемую сторону, а Адамовича (безошибочно) за пострадавшую. – Ах, на сей раз внучка-жучка? Ну что ж, придется поиграть с этими разбойниками в кошки-мышки.

Он заставил наших героев писать заявления – каждого отдельно, свою версию – о том, как всё произошло, не выпуская ни одной детали и верно расставляя запятые. Сам же обещал тем временем (а время было еще то) послать на Горошковую улицу группу захвата. Ею оказались три сказочно добрых молодца в сером платье: Саша Дарницкий, Андрей Нарезной и Макс Бабаевский, все лейтенанты молодые, толстые от важности и бронежилетов. Саша был старшим лейтенантом, Андрюша – младшим, ну, а Максимка – средним, так себе.

И тут Адамович поймал сам себя, причем поймал на мысли, что всё это где-то уже. Богатыри начистили до блеска свою доблесть, погрузились в зарешеченную «буханку», призванную рекламировать городские хлебопекарни, и отправи-

лись в путь. Причем Максим сел за руль, а Саша и Андрей прильнули к клеточкам окна, затянув ремни парашютов и жалобную песню.

(Век реализма миновал еще в минувшем столетии, авось и такая группа захвата на что-нибудь сгодится.)

Сам Капитон Капитоныч тоже погрузился – в иллюстрированный журнал с названием о каком-то хоме и с мускулистым мужиком на обложке. «Тоже животновод», – с подозрением подумал Адамович, ощущая во рту горечь опыта. Он излил на бумаге всю боль, скопившуюся за день, промочив около трех листков. Каруселькина списывала, как последняя двоечница. Когда капитан через сорок пять минут собрал учительственным жестом листки, он воскликнул, глядя в Киссину работу:

– Это что ещё за явление!

Оказалось, что Кисса писать не очень-то, а всё, что она успела перерисовать у соседа по парте – это «за явление», написанное через раздельно и с ятем на конце. Капитоныч чуть не прописал Киссе ижицу, но она как всегда выкрутилась и вылезла вон через форточку. Глянул же в писанину Адамовича, оказалось, что капитан – читать не очень-то, а потому он поспешил пробормотать «отлично» и сунул сочинение в несгораемый шкаф.

А тут как раз (два, три) захватчики вернулись с добычей. Это была даже не пленная турчанка с миндалевидными очами (очевидными миндалинами), пугливая, как лань, а пига-

лица, девица Протеина — ясно дело, чья сестра. Если же не ясно — справка из личного дела оной девицы: всю сознательную жизнь мечтала она выйти за иностранца, чтобы носить иностранную фамилию, двадцать пар туфель и ресницы без комочков. Всё это оказалось неосуществимым, кроме, пожалуй, фамилии. Востренький носик побывал в умных словарях, и Аленка Белкова превратилась в мисс Альбину Протеину; это гордое имя весьма украшало кикиморью фигурку, похожую (по некоторым классификациям) даже не на стиральную, а на гладильную доску.

Капитан радостно запотирал руки и предложил устроить немедленный допрос. Для чего посоветовал вытащить из Альбининого рта кляп, но тощих рук ее не развязывать во избежание рукопашной.

Оказалось, что Кисса писать не очень-то...

Никакого Рукова Пашу она не знает, – начала невкусно плевать словами Протеина. Взяли ее без поличного, с Поличным она рассталась уже давно, недели две назад, а то, что юноша из горного Тибета убил юношу из Горного университета – про то она сама только вчера услышала и к этой истории никак не причастна.

– Тибе-мине, – запутался Капитоныч, – тебе-то не об этом надо говорить. Мене-то интересно знать, куда злодеи увезли внучку-жучку.

Тут посыпался такой отвратительный и бессвязный горох, что Дарницкий, не дожидаясь приказа, взял на себя ответственность и залепил этой ответственностью ответчице рот.

Все вздохнули с облегчением, даже Кисса через клетчатое витражное стекло.

Тогда Капитон Капитоныч полез в карман за словом, достал *спичку* и подержал ее перед лицом присутствующих – маленькую такую *речь*. Безумицу надлежало образумить в соответствующей камере, там ей будет оказано лечение в усыпленном состоянии, затем – вдето в ухо особое кольцо, по которому девицу опознают во время следующего захвата. И уж потом – здравствуй, свобода!

Дарницкому же, Нарезному и Бабаевскому предстояло на ночь глядя (или же – несмотря на ночь) отправиться в го-

сти к собаководам (или, как выяснилось позднее, в резиденцию иностранного резидента).

В дороге Матвею вспомнилось:

«Он устало смотрел, как она обувается, ладно, ничего не попишишь, раз уж всё решено. Она торопилась, пока оба всё-таки чего-нибудь не передумали. И старалась не поднимать к нему глаз.

Из кухни как нарочно выглянула его мама – в очередной раз позвать на чай с пирогами. Мама всё поняла быстрее, чем они успели навесить маски непринужденности.

– Душенька, ты, как филолог, конечно, должна помнить: я вот хожу несколько дней, и в голове у меня вертится фраза: «В одну упряжку впрячь невозможно... кого-то и трепетную лань». Кого? – ловко вынырнула мама из вопроса о чаепитии.

– Коня, конечно же, коня, – машинально взглянула она, поняв вопрос не то превратно, не то – в самый раз.

И попросила у него, уже открыв входную дверь:

– Я, кажется, забыла в комнате... расческу...

И пока он ходил в комнату, выпалила (уже на лестничной площадке – чтоб не догнали с ответом):

– А у меня почему-то в последние дни другая фраза вертится: «Не суждено, чтобы сильный с сильным соединились бы в мире сем». Не помните, как там дальше? – последнюю фразу скрасила доброй усмешкой, чтобы никого не обидеть,

но обнять добрую женичину-маму всё-таки не решилась.

И метнулась по лестнице вниз.

— А расческу я не нашел, — только и смог объяснить он, когда мама растерянно захлопнула дверь¹».

В дороге Матвей не думал ни о Фенечке, ни о Косте. Уго-раздило его сесть на какой-то почтово-багажный (ближай-ший по времени, но ползущий до его родного города два-дцать часов противу обычных девяти). Зато будет время всё обдумать и успокоиться. Успокоился он сразу, а думать не хотелось.

Единственный пассажирский вагон населяли кроме него две пожилые проводницы да грустный старик профессорско-го вида.

Но на какой-то станции с криками и грохотом ворвались штук пять баульных бабок и начали занимать «места получ-че». Почему-то их раздражили неоткидывающиеся кресла: желая немедленно улечься спать, бабки принялись выламы-вать спинки, ссылаясь на какой-то там прошлый раз. Сделав дело еще до того, как тронулся поезд, они стали было укла-дываться, но тут какая-то вспомнила: я ж задом не могу! — и метнулась к другому ряду, где кресла смотрели обратно:

— Сынок, мы в какую сторону едем?

Если мир в одночасье лишится дураков (почему-нибудь или чудом), он взлетит на воздух, приобретя райскую неве-

---

¹ Марков М. И. Рассказы. СПб, Ладушка, 1999. С. 21.

сомость.

На вокзале на подоконнике, где ему пришлось провести хвостик ночи, Матвей прочитал: «Мужской образ – поиск и смерть; женский – творение и рождение». Синим фломастером и едва ли не хромающей орфографией. Явно не Мирча Элиаде писал. Но может быть, кто-то из начитавшихся.

Эта сакрализация всего окружающего пространства чревата полной профанацией. Нет, не чревата, повальная сакрализация и есть профанация. Чем больше глобальных смыслов находим мы у себя под ногами, тем проще перешагиваем через них или даже затаптываем в грязь. Наверное, это естественно. Если идея превращается в миф, то ей суждено пойти по рукам.

Девушка, разочаровавшись в посетителе (ожидала, видно, кого-то другого), всё отрицала. Нет, вы, наверное, ошиблись. Да, мы купили эту квартиру три года назад. Но нет, у прежних жильцов не было большого сына. Кажется. Нет, она не знает их нового адреса. Извините, она... – и уже начала раздражаться.

Соседка его узнала. Даже – кажется, Матвей – вспомнила по имени. Костю родители увезли, да давно. Обменяли эту трехкомнатную на другую, поменьше, зачем, не знаю. Куда?

А он вспомнил – письма! – и снова дернулся к кнопке звонка.

– Опять вы? Какие письма? – это неважно, притворялась

она или правда была такой дурочкой. – Ах, письма... что-то припоминаю. Да, сюда приходили какие-то письма без обратного адреса, и папа попросил на почте, чтобы нам их больше не приносили.

Вот и всё. Вот и всё.

А он так гордился тем, что может – на уровне – что помогает Косте своей писаниной, помогает – жить. И не то чтобы он никогда не предполагал. Такой возможности. Но как она с первой попытки попала в точку? Лисенок...

Следующая ночь была ночью настоящего кризиса. Видимо, давно должно было ему случиться, да и повод-то больно хорош! После почты (где ему вернули несколько замызганных конвертов), после трех-четырех знакомых (где его едва узнавали по каким-то там причинам пятилетнего возраста), после паспортного стола (где ему отказали в выдаче явок и адресов), Матвей не ощущал себя вполне живым.

Так что – когда его родная бабуля, тучеподобная баба Роза ахнула в открытую дверь: «Кого принесло, твою мать!», – Матвей не обиделся и не рассмеялся. Он с трудом поднял ногу, дабы переступить порог (тем более что хозяйка его к этому не очень-то поощряла), протянул бабе Розе мешок с едой и выдавил из себя, как капельку пасты из тюбика:

– На одну ночь.

Роза недоверчиво попятилась и лишь заикнулась:

А может, у Вальки переночуешь? – но тут же поняла, какой он усталый, пьяный, несчастный и злой, а потому реши-

ла постелить ему на балконе.

В три часа он проснулся от жажды и тоски. Тошнило со всех трех сторон: физической, духовной и метафизической, а вопрос о смысле жизни, еще не стоявший на повестке вчерашнего дня, мыкался где-то между сознанием и подсознанием. Тошнило почему-то от хвойного запаха, хотя джин он, кажется, сегодня не... Город глупо моргал фонарями, за стеклянной дверью храпели бесчисленные родственники. И сон, и хмель, взявшись за руки, спрыгнули за борт, а Матвей остался буквально как дурак сидеть на своей раскладушке на балконе пятого этажа. Еще не понимая, какая муза его укусила, хватаясь за волосы, грызя кулак, — он думал. О том, что ни строчки не написал с тех пор, как... О том, что мысль обязана раскачиваться на качелях, отрываться и лететь к другой раскачиваемой трапеции, не будучи уверенной, что успеет точно в секунду. О том, что Кьеркегор ничего не боялся. И о том, почему баба Роза хранит не балконе столько еловых ветвей. И о том, что обязательно нужно найти смысл своего пребывания здесь. И о том, как это трогательно, что Фенечка снимает с себя крестик каждый раз, как... И о том, что... (список открыт).

С этими мыслями он дошел уже было до ручки, даже начал было писать Фенечке письмо, но тут оказалось, что ручка дверная, голова больная и — утро.

И хотя ему казалось, что началась для него новая жизнь, уходя, не удержался поинтересоваться у старой:

– Баба Роза, чего это у тебя елки-палки живут на балконе?

– Да дед больно плох, не сегодня-завтра помрет, – прогрела та, даже не включая в коридоре свет и тесня Матвея к выходу. – Мы тогда на даче были и нарвали веток на похороны, а то чё взад-назад ездить? – и еще задумалась, не взять ли с внука на похороны денег, но он – уже за порогом:

Передай дедуле мои глубочайшие соболезнования, – и ушел, даже не поблагодарив за ночлег.

А между всем этим прочим Евовичь сидела на полу тюремной камеры и вслух горевала по матушке. По всем прочим родственникам она тоже горевала, но по матушке – особенно. Девчонка, что с нее взять!

А, мы забыли вот чего еще сказать. Матушка (равно как и батюшка) Евовичи (равно как и Адамовича) работала на секретном заводе, где выпускалась секретная продукция. Разведки всех дружественных и вражественных стран уже много лет пытались разгадать секрет этого предприятия, но – тщетно.

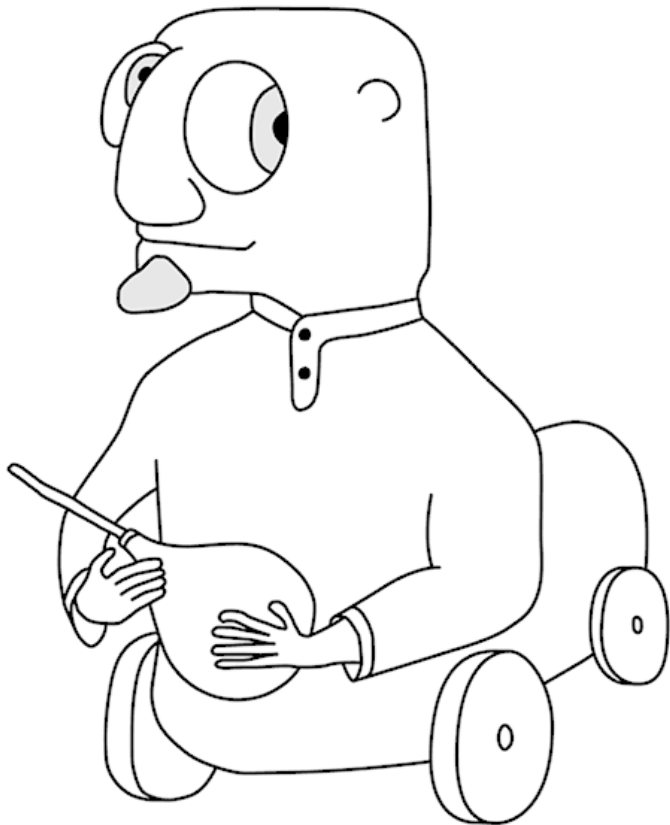
Теперь Инфаркт Миокардович сидел за своим резидентским столом и строил коварные планы. Он обдумывал, как лучше поступить: потребовать за Евовичь у ее родителей выкуп (секретные материалы) или же использовать девочку в качестве агента влияния. Последний вариант был очень заманчив. В случае удачи Кощей мог обратить в свою веру сразу двух работников Секретного завода.

Но как расположить к себе Евовичь? Можно, конечно, прикинуться ее освободителем и навеки подружиться со всей семьей Сиблингов. Адамович вряд ли что-нибудь заподозрит, вот только бы Жучка не помешала...

Он отодвинул недостроенные коварные планы на край стола. Евовичь подождет, а на повестке дня у нас – Жучка.

Повестка дня стояла в соседней комнате, а на ней, накрытая простынкой, лежала несчастная собачка. Глаза ее были закрыты, а пульс ее был нитевидный. Вокруг – очень гордый – расхаживал шпион-ветеринар. Он только что закончил операцию по вживлению под Жучкину кожу малюсенького подслушивающего устройства, призванного передавать всё, что будет говориться в радиусе семи метров от собаки.

Инфаркт Миокардович свистнул Сумрачного...

Операция прошла успешно, пациентка должна была че-

рез полчаса очнуться, так и не поняв, что с ней произошло. Инфаркт Миокардович свистнул Сумрачного. Верному псу надлежало за эти полчаса оттащить бесчувственное Жучкино тельце куда-нибудь поближе к ее родному дому и оставить там под кустом. Заодно ротвейлер мог разнюхать обстановку в клубе и на площадке собаководов, не вызывая ни в ком подозрения.

Сумрачный сурово, но аккуратно взвалил Жучку-с-жучком себе на плечо, посмотрел хозяину в глаза с чувством истинного патриотизма и удалился под музыку, приличествующую патетическому моменту.

Не имея наглости вернуться домой без сестры, Адамович принял предложение Каруселькиной переночевать у нее. И о чудо! Возле Киссиного дома, оказалось, расслабленно паслась Жучка, бледная и бестолковая от наркоза. На все восклицания и вопросы несчастное животное только икало и пожимало плечами. Она даже ухитрилась отказаться от порции румяных сосисок, заботливо выуженных Киссой на ужин (из факирского цилиндра).

Делать нечего, тут нашим друзьям оставалось лишь произнести магическую фразу о том, что утро вечера мудренее, но вдруг они заспорили. Что имели в виду древние, составляя эту поговорку? То, что утро мудрее вечера (так утверждал Адамович), или то, что оно – мудрёнее, то есть сложнее, заковыристей (это доказывала Кисса, барабаня лапками

по столу)?

Наконец, пресыщенные событиями и эмоциями дня, они начали неповоротливо отходить ко сну – прямо поверх ба-
рахла и ругая вслух Инфаркта Миокардовича. И так как вер-
ная Жучка была тут как тут, болезненно взвизгивающая из
сна, то Кощей Бессмертный сразу узнал о себе много нового,
по крайней мере, он понял, что наполовину разоблачен. Это
заставило его корректировать план строительства коварных
планов.

И еще стоит добавить, что Кисса выдала Адамовичу для
сна подушку в кружевной наволочке, по этой причине то
правое, то левое ухо мальчика всю ночь застревало в кру-
жевных снах.

(Это – мамин дневник.)

Я почувствовала в происходящем недостаток глубинного смысла, когда узнала, что у меня будет ребенок. Как будто не глядя, спускаясь по лестнице, не рассчитала количество ступенек и неловко оступилась. У меня всё было: любимые родители, муж, друзья, работа в газете – тоже любимая. Свое будущее, предполагаемое дитя я любить не могла: ведь я его не знала, а привязанность к идеальному образу (к розовому пупсу в кудряшках) казалась мне итудой неискренней.

Книги наперебой говорили о наступлении звездного часа женщины, советовали ждать какого-то прозрения. Я не хотела ждать, я отправилась прозрению навстречу. Тем более что легкое, но постоянное подташнивание настойчиво требовало себе духовного оправдания.

Была весна, и мне пришлось посмотреть на нее другими глазами. Скажем, березовая ветка за окном качается и рябит сквозь жалюзи, а скоро она зарябит светло-зеленым, потом потемнеет. Что с того? Она моя, потому что никто, кроме меня, не замечает ее красоты. Жаль? Но должен же быть кто-то второй, на меня очень сильно похожий, который будет радоваться жизни точно так же (или почти так же), как я! И это уже было интересно. То есть, я могу сделать так, чтобы еще одна пара глаз порадовалась,

на зеленеющую ветку глядя.

Тогда вспомнилось, как в детстве внезапное счастье приносили совсем уж простые вещи: бархатистый мел на гладком асфальте, разноцветная карта мира над письменным столом, рисунок вилок на плавленом сырке, ночное южное небо. Помню, как радовалась мама моей радости. Вот оно! Кое-что начало проясняться. Выстраивалась логическая цепочка: моя мама – я – моя дочь (мне тогда казалось, что будет девчонка). И если сейчас ухватить за хвостик ускользающий смысл: зачем я привожу ребенка в этот мир, можно даже понять, зачем меня саму сюда привели 25 лет назад. (То бишь – постигнуть всеми разыскиваемый смысл жизни.) А это, согласитесь, по нашим временам не так уж мало.

В своих медитациях, направленных на весенние пейзажи, я додумалась даже до мысли, что становлюсь чуть ли не равной самому господу Богу, так как создаю человека, творю новую жизнь. Это пугало и завораживало одновременно. Но я уже знала, что не только имею на это право, но и обязана поделиться белым светом с растущим во мне существом.

От этих роскошных мыслей прошла тошнота, и малыши зашевелился внутри.

Когда срок перевалил за половину, а я сама стала слегка переваливаться с боку на бок, хотя упорно старалась держать форму, пришло еще одно удивительное чувство. Это

было похоже на то, что пишут в книгах по психологии про раздвоение личности. У меня иногда получалось воспринимать окружающее за себя и за того парня (как раз тогда выяснилось, что это мальчишка). Он был во мне, он был мной и в то же время – уже сам по себе. Меня крайне забавляло это чувство. И в то же время радовало, что – несмотря на свою раннюю самостоятельность – он пока что совсем-совсем мой. То есть не может пойти без меня куда-нибудь погулять с папой и не уедет до поры до времени к бабушке в деревню. Это значило, что я начинала его любить, уже предчувствуя свою будущую ревность.

Тогда мне приснилось однажды смешное: кто-то сказал, что если я назову сына Марком, то он, вырастая, однажды спасет свой народ или даже человечество. Я рассказывала всем и смеялась, но это имя мне нравилось все больше и больше...

А потом сказочная жизнь внезапно оборвалась, я осталась одна, без мужа, но об этом не хочу сейчас говорить. Я так и не поняла, что с ним произошло, но с тех пор моя вселенная замкнулась на мне и моем ребенке. Тогда, когда малышу до выхода оставалось меньше недели, стало ясно, что он – самый младший участник заговора против небытия. Помню, я тогда возвращалась от остановки и вдруг поняла это: ведь сама я была почти совсем беспомощной в борьбе со страшной пустотой, и теперь уже ребенок награждал меня смыслом, а не я его. Он обязан был вос-

*становить равновесие (один умирает, другой – рождается),
встать на опустевшее место своего отца, потому что ни-
какое место не должно быть пусто.*

И тогда он родился.

А утром оказалось, что добры молодцы взяли языка в клубе собаководов (а отнюдь не в гастрономе). Язык был большой, фиолетовый, так что все сразу опознали его принадлежность к породе чао-чао (пока-пока). Впрочем, все так же единоголосно не знали, что с этим языком дальше делать. А когда милиционеры не знали, что им делать, они обращались за советом к своему кумиру и оракулу по имени Железный Феникс. Оракул питался исключительно мышами из щедрых подвалов, а вещал пословицами и поговорками русского народа. Для толкования заумных высказываний Железного Капитона Капитоныч выписал из-за моря мудреца-толмача. Им оказался известный итальянский писатель Дальвино. Этот книжный червь питался бумагой, на которую нанесены хоть какие-нибудь печатные символы, но предпочтение отдавал словарям ненормативной лексики и газетам, публикующим криминальную хронику.

Капитон Капитоныч сладострастно перекрестился на фигурки богов Этана, Ментана, Пана-пропана, Брутана и Стопкрана, стоявшие под его рабочим столом, и пошел открывать камеру Железного Феникса. Когда милиционеры вошли к оракулу, он как раз закончил анализировать какие-то анализы и обратил свои ясные очи к клетчатому солнцу. Капитан и три лейтенанта выстроились перед ним полухорово-

дом, и Капитон Капитоныч протянул священной птице собачий язык.

Феникс лениво щелкнул клювом и, не отрывая своего взора от вольной воли за окном, прохрюкал:

– Язык до Киева доведет.

Потом шумно, по-млекопитающе понюхал воздух, подцепил когтем зеленый листик, прилипший к кителю Дарницкого, и еще изрек:

– В огороде бузина – в Киеве дядька.

И уж только после этого понял, чем пахнет в коридоре отделения милиции:

– Котлеты по-киевски, котлеты по-киевски!

Капитан шепнул на ухо среднему лейтенанту, чтобы тот распорядился насчет порции свежих мышей, а сам обратился к толмачу, что, мол, давай переводи. Дальвино торопливо вытащил из дырки в зубе кусочек аннала и начал:

– Знамо дело, в Киев ехать надо. Там эта банда себе гнездышко устроила. Вот и птичка говорит, да и у летописи нынче вкус больно древнерусский.

После этих слов он отчаянно начал проситься в туалет, потому что его держали вместе с Фениксом взаперти, а выпускать иногда забывали.

– Шнурки оставь, – буркнул Нарезной и пошел сопровождать Дальвино до конца коридора.

Нищему собраться – подпоясаться, а военному человеку –

тем более. Дан приказ, изволь исполнять, вот так и получилось, что три добрых молодца снова уселись в свою знаменитую «буханку» и покатали с песнями до городу Киеву (несмотря на воскресный день, выходной и так далее). Капитон же Капитоныч так разволновался, что по рассеянности забыл запереть клетку с Железным Фениксом, а сам побежал за поворот – махать платочком вслед уезжающим своим подчиненным. Вот в этот как раз трогательный миг и появились на пороге отделения милиции наши верные друзья: Адамович Сиблинг, Жучка и Кисса Каруселькина.

Сначала охранник не хотел их пропускать в воскресное полупустое отделение милиции, но Кисса знала секретный пароль, она сказала: «Сим-сим», – и препятствие было устранено. Да, кабинет Капитона Капитоныча зиял пустотой, простотой и приметами поспешных сборов (разбросанные фигурки богов, выпавший из ящика стола стартовый пистолет и кулечек с конфетами «Старт»). Каруселькина присвистнула и стала ломиться во все подряд закрытые двери, надеясь отыскать хоть какого живого свидетеля. В одном из коридоров юноша интеллигентного вида некрасиво ругался с начальницей паспортного стола о какой-то несуществующей прописке какого-то несчастного друга, но оба они проигнорировали шмыгающих, пристающих с вопросами детей и животных.

«Интересно, а слово “милиция» как-нибудь связано

с миллионом, тогда как полиция – с «поли-», то бишь, с множеством?» – почему-то некстати подумал Адамович.

– А они все уехали в Киев, – притворно-равнодушно протянул Дальвино, расчесывая перья Железному Фениксу.

Кисса даже язык проглотила от изумления (уж не фиолетовый ли?), а Жучка не выдержала и возлаяла на оракула. Адамович осадил питомицу командой «сидеть» и – голосом вежливого мальчика – спас репутацию:

Простите, вы не подскажете...

Дальвино смекнул, что Железный Феникс вот-вот начнет пророчествовать, и книжному червю до ужаса захотелось поразить оробевших визитеров своим толмаческим мастерством.

– Подойдите поближе, слушайте, – сказал он загробным голосом и отложил в сторону гребешок для вычесывания блох. Друзья с любопытством построились перед Железным.

Оракул вдруг задрожал, мелко-мелко затрясся каждым перышком, и это значило, что он перебирает своими птичьими мозгами все знакомые пословицы, выбирая из них единственно верную. Эта верная даже навернулась слезой на зоркий оракулий глаз и выпала через клюв:

– Бешеной собаке семь верст – не крюк...

– Это значит, – поспешно закомментировал Дальвино, – что вам было бы полезно расстаться с вашей четвероногой подружкой, по крайней мере, не смейте подходить к ней ближе, чем на семь метров. Иначе вас ждут большие...

Но тут еще один слезовидный перл капнул из уст кумира:

– Дурной собаке хвост рубят по уши!

– А лучше убейте ее, дабы уничтожить ту скверноносную субстанцию, которую присвоили вашей собачке враги, – завершил итальянец с видом невинного младенца, не успев даже подумать о моральной ответственности за произнесенное пророчество.

Дальше было вот чего. Адамович и Жучка, одинаково вскрикнув, смятенно воззрились друг на друга. Во вторую секунду Адамович прошептал:

– Не бойся, я не позволю...

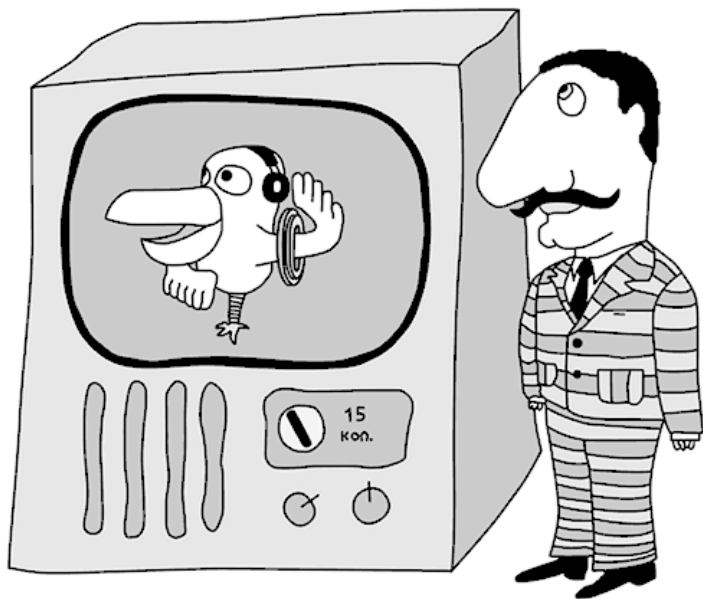
Но всё же в первую секунду Жучка успела выхватить из его глаз знак вопроса, а это могло означать что угодно, пожалуй, даже мысль о предательстве.

Я хочу, чтобы вы все поняли: совершенное Жучкой в тот день не было следствием необузданного отчаянья. В простой лохматой дворняге проснулись разом следующие трезвые чувства: долга, патриотизма, самосознания. Дабы помочь своему народу сохранить тайну в тайне, она пошла (решительно побежала) на это.

Итак, когда они втроем, страшно подавленные, вышли из милиции, Жучка осторожно замешкалась посреди проезжей части, и – была еще страшнее подавлена! Уложивший асфальт на соседней улице каток фирмы *Broadway* превратил нашу самоотверженную героиню в листок черно-се-

ро-белой шагреновой кожи. (Не волнуйтесь, не больно-то ей было больно, она даже ничего не почувствовала.)

Поняв, что произошло, Кощей Бессмертный яростно метнул хрустальную пепельницу в виде яйца в голову нерасторопно растопырившегося Белкова. Последнему пришлось, разинув пошире рот, не жуя, проглотить драгоценность.

Дальвино смекнул, что Железный Феникс вот-вот начнет пророчествовать...

(А это – секретная шифровка).

...ударный СВЧ-генератор на космическом аппарате можно перестроить по частоте и превратить его в психотропный дегенератор. Это позволит контролировать умы населения на территории, примерно равной Красноярскому краю. А если учесть, что в системе 48 аппаратов, обеспечивающих глобальный охват земного шара, то обладатель подобной орбитальной группировки может всерьез задуматься о мировом господстве. Я уже не говорю о более простых задачах: можно, например, спровоцировать экономический кризис в отдельно взятой стране, полностью парализовав управление и связь, при этом никак себя не обнаружив...

Несколько дней Марк чесал репу над текстом шифровки, даже не смея произнести его про себя целиком, не говоря уж о том, чтобы – записать. Город продолжал подавать ему сигналы, настаивая на серьезности задания: необходимо было выяснить: кто, когда, где и с какой целью проводит подобные испытания, кто кому пытается насильно внушить какую-то идею (кто кого хочет заколдовать).

О мировом господстве, конечно, думать рано. Начнут они, наверное, с одного аппарата, но этот момент никак нельзя упустить, ибо в случае удачи...

Психотропный дегенератор (если это правда) – штука, не

спору, замечательная, и если сказочно предположить, что попадет он в «хорошие руки», и эти руки пожелают подарить миру мысль о мире во всем мире... Ну, или что-нибудь в этом роде. Но так не бывает, хорошие изобретения никогда долго не задерживаются в хороших руках. Почему?

– Почему? – увлеченный своими мыслями, Марк не мог понять, что говорит ему пожилая секретарша, не желающая брать из его рук пиццу.

– Мы не заказывали ничего подобного, вы, наверное, ошиблись.

– Да, я ошибся. То есть как – ошибся? Ведь это ваш адрес? – и он протянул ей листок заказов.

– Верно, адрес наш, но мы никогда...

– Может быть, вы не желаете пиццу, у меня есть другие варианты, вот, например...

– Нет, молодой человек, у нас в здании есть прекрасное кафе, и мой начальник...

– Но может, именно сегодня вашему начальнику...

И тут они услышали наждачный бас бога из машины:

– Эмма, пропустите его ко мне.

Так вот как выглядят заслуженные инженеры-баллистики! С жадностью первого полета Марк ворвался к нему в кабинет.

– Давайте сюда вашу пиццу, смотрите, что вам нужно, да и проваливайте поскорей, – примерно в таких выражениях приветствовал его хозяин. – Сказал бы я вам, что не там ище-

те, да, видимо, вы и так это уже увидели.

Марк проводил глазами пиццу до мусорного ведра и кивнул. Если этот человек владеет тайнами великого Шифра, значит, либо он очень хитрый профессионал, либо ставленник Дома на поляне. И Марк отважился на весьма рискованный шаг: он молча протянул незнакомому человеку, иностранцу, возможно, врагу, оранжевый теннисный мячик. В переводе на человеческий язык это, скорее всего, означало: «Тогда где? Помогите».

Заслуженный Инженер-баллистик усмехнулся, аккуратно взял мячик и, не глядя, подбросил его до потолка, но ловить не стал, и маленькое солнышко звонко застучало по крышке стола, потом перебралось на пол и затихло где-то в углу².

Марк чрезвычайно нервно поклонился и машинально отмахнулся уже из приемной:

– Если что, наши обеды всё равно самые горячие в городе, – и пустился по лестнице вниз, проклиная себя за неосторожность.

---

² «А вы мне нравитесь, молодой герой. Ну, что значит – где? Где. Я вот всю жизнь занимаюсь вопросом, почему они летают и – не падают и при этом крыльями не машут, а спроси меня почему – так и не смогу вам дать разумного ответа. Искать нужно там, не знаю где, тогда что-нибудь, глядишь, найдется. Попробуйте испытать на себе действие этого генератора, за людьми понаблюдайте. Ведь вы один из немногих, кто знает об этом, вам и отделять зерна от плевел. Заметите что-нибудь неестественное – приходите ко мне, обсудим за чашкою кофе». Уф!

Едва Адамович и Кисса отскребли совковой лопатой печальные Жучкины останки, как увидели Ладу, спешащую к ним со всех своих толстеньких ног:

– Вы знаете, мне позвонил по телефону какой-то дядечка с приятным голосом и сказал, что, дескать, настал мой черед быть волшебным помощником. Я в недоумении выглядываю в окно и вижу, как вы ползаете по проезжей части на четвереньках. Что произошло? Где Евовичь? Где Жучка?

– Жучка – здесь, – заговорщицки прошептала Кисса, стараясь как можно меньше травмировать страдающую Адамовичеву душу. – Евовичь в плену, а мы ищем тово-не-знаючево, но пока только теряем, а не находим.

Лада мгновенно ужаснулась, но не позволила себе впадать в истерику:

– Мы что-нибудь придумаем. Идемте к моральным Мормам!

– Кого? – проявил себя Адамович из пелены слезного дождя.

– Они живут в подвале нашего дома и знают всё на свете. Вообще-то семейство моральных предпочитает селиться в норах, но эти почему-то решили городиться в сыром подвале девятиэтажки, говорят, так – ближе к народу. Вот они и посоветуют нам, что дальше делать, раз они такие мудрые.

Норальные Мормы как раз попивали чай с шоколадкой и обсуждали текст нового законопроекта, принятого на днях государственной дамой. Адамович не успел сосчитать, сколько именно этих Морм сидело за столом, кажется, много. Лада пошепталась с одной из них, видимо, самой норальной и мудрой, и кивнула ему, дабы он начал свой рассказ. Но тут приступ слез снова преступил все границы, Адамович начал захлебываться, давиться, кашлять, икать и наконец вовсе упал в обморок от горя, прижимая к груди Жучкины останки, завернутые в клетчатый носовой платок. Пришлось Киссе пересказывать все то, что уже известно читателю.

– Ну, тово-не-знаю-чево мы и сами не знаем, – загадочно проговорила старшая Морма (Киссе показалось даже, что она при этом улыбнулась). – А вот Жучку оживить попробуем. Коллеги, каково будет ваше мнение? Что посоветуем господам?

– Может быть, третий том Гоголя? – предположила серая Морма, стряхивая с морды шоколадные крошки.

– Вы имеете в виду Контрастные Души?

Старшая порылась в каком-то каталоге, потом быстро нащелкала коготками на клавиатуре компьютера какой-то текст и погрузила свой длинный нос прямо в экран.

– Ага, ага... Лада, – обратилась она наконец, – вы ведь, уважаемая, где служить изволите?

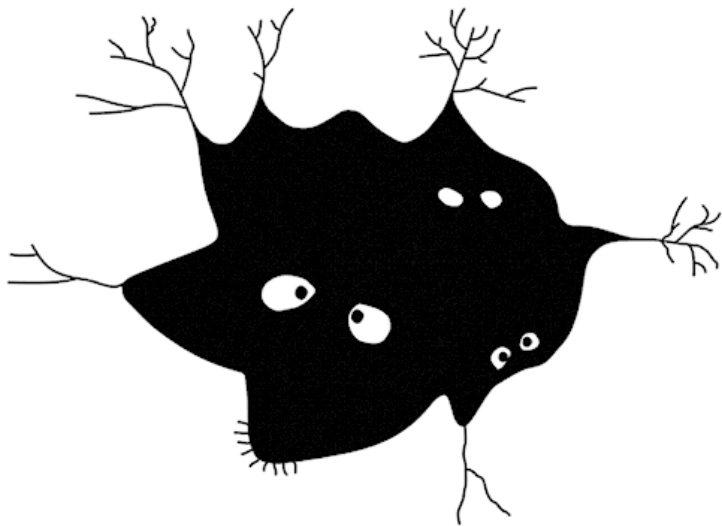
– В Союзе банных работников имени Бабая, – слегка смутилась Лада.

– Неужели вы ничего не слышали о такой услуге вашего предприятия, как Контрастные Души? Сначала в кран подается мертвая вода, потом живая, потом опять мертвая и – снова живая. При помощи таких полосканий не то что Жучку – самого Лазаря воскресить можно. Только вот, – старшая Морма слегка призадумалась, – только сначала ей нужно придать правильную форму.

Все как-то стыдливо покосились на клетчатый носовой платок в руке обморочного Адамовича.

Тут морма-альбинос протянула лапу к Старшей и взяла у нее слово:

– Скорее всего, вам придется сначала пойти на ЗФМ, завод футбольных мячей, и там попросить, чтобы Жучку попросту надули.

Норальные Мормы как раз попивали чай с шоколадкой...

– Надули? – в один голос вспыхнули Кисса и Лада, а Адамович стал тихо приходить в себя.

– Но, коллега, вы забываете, что посторонним лицам вход на завод запрещен! Если не сказать больше – воспрещен!

– Ничего, мы дадим им слово, волшебное слово, – и она засверкала лукаво своими красными-прекрасными глазами.

Адамовича до завода вели под руки: такая на него навалилась депрессия и апатия и проще говоря – пофигизм, что даже Жучкин полуфабрикат пришлось временно понести ко-

му-то другому.

– Если так дело пойдет, то и его самого придется засовывать под контрастные души, – попыталась пошутить Кисса, но серьезная Лада взглянула на нее с упреком.

На проходной завода сидел молодой контрразведчик Ворошиловский, переодетый и загримированный под старого хрыча вахтера, и никого не пускал.

– Простите, но нам нужно срочно увидеть начсмены Яромира Кашицу, – пролепетала отважная обычно Кисса (этой фразе научили ее норальные Мормы).

– Кашица – в отпуске, – ответил вахтер, недоверчиво глядя.

– Какая жалость, а нас просили передать ему вот это, – и Лада показала переодетому патриоту маленький пузырек, подарок всё тех же мудрых Морм.

(Надеюсь, читатель уже догадался, что все три фразы были не иным чем, как паролем, специальным ключиком для входа на завод.)

Всё еще хмуро поглядывая на странную троицу, страж порядка позвонил по местному телефону и промычал в трубку (не берусь передать дословно, но как-то так):

– Пвайронурлыамко.

Через минуту из глубины завода вышел маленький лысый человек и чрезвычайно строго спросил у наших героев:

– А вы по какому вопросу?

Видимо, Адамович и вправду слегка загоревался, потому что вместо просьбы о приведении Жучки в божеский вид, он вдруг ляпнул Яромиру Кашице в лицо:

– Мы ищем тово-не-знаю-чево, помогите нам его найти.

Такой реакции Ворошиловского не ожидал никто. Он выхватил трехствольный пистолет, и каждый из наших героев оказался под своим персональным дулом.

– Так вы – шпионы? – зарычал охранник, зачем-то срывая с себя накладную бороду и усы, видимо, готовясь к рукопашной схватке.

Неизвестно, чем окончилась бы эта нелепая сцена, если бы Яромир Кашица внезапно не узнал Адамовича.

– Не стрелять! – всё так же строго, но спокойно проговорил начсмены. – Это же сынок Сиблингов, наших сотрудников; Адамович, так, кажется, тебя зовут?

И тут только мальчик сообразил, куда привели его Кисса и Лада. Это же Секретный завод, где работают его матушка и батюшка, только сейчас воскресенье, и они отдыхают по своим делам где-то в другом городе. Адамович пришел в себя и нашел там трезвый взгляд на вещи. Этим взглядом он взглянул на Кашицу и вежливо ему поклонился:

– Дядя Ярик, нам срочно нужна ваша помощь.

И Кисса, и Лада мысленно заплодировали ему, так как лысая голова начсмены благосклонно кивнула, а пистолет Ворошиловского безвольно поник, словно сдувшийся шарик.

– Ну кто же так складывает? Это же форменное безобразие, – ворчал Яромир Кашица, разворачивая носовой платок и доставая сложенные вчетверо Жучкины останки. Он осторожно разгладил на столе лепешку, некогда бывшую живым существом, потом свернул ее в трубочку и аккуратно засунул на полку между фотографией жены в золоченой рамке и книгой под названием «Шпионские штучки» (не успел прочитать Адамович на корешке).

– Так вы сможете ее надуть? – хором спросили трое посетителей.

– Какого она была размера, ваша Жучка? – лишь поинтересовался Кашица. – Я постараюсь это сделать, приходите завтра на рассвете, – и едва было не добавил «мои юные друзья», но не добавил, так как был очень немногословным типом и очень себе на уме.

Тревожась и думая о смерти, которая всех нас ждет, герои нашего романа покинули территорию завода футбольных мячей, самого Секретного завода на свете.

– Ведь мы с вами знакомы?

– Сильно сомневаюсь, – Матвея даже слегка передернуло, когда этот человек все же подошел к нему. – Я видел вас еще на кладбище, вы шпионите за мной?

– Мне показалось, что мы уже где-то встречались, – вкрадчиво и настырно горбун подошел вплотную к, – и потом ваш приступ горя был так убедителен...

Матвей не решился оттолкнуть хама, сам отодвинулся и неловко заскользил ботинком по невидимой грязи.

– Да ты меня не бойся, – перешел на ты этот подозрительный тип и вдруг добавил: – Матвей.

(Достоевщина какая-то!)

– Ну, допустим, и откуда же вы меня знаете?

Человек театрально взмахнул рукой в ту сторону, откуда они только что пришли и вздохнул:

– А я знал Костика и его родителей.

И снова Матвеево нутро ошпарила волна подленькой жути, как и час назад, когда имя его друга обнаружили в списках. Но теперь ему было на все наплевать, он даже не сделал усилия ответить горбатому, просто дальше куда-то пошел. Ему навстречу город истерично замигал, и тут же затормозил, неестественно расширяясь. Так они долго шли, а потом он спросил, что вам надо, и человек ответил, что ничего,

но снова преследовал, и Матвею захотелось убить его (сильно-сильно ударить), а закончилось всё совместным распитием отвратительного пойла из фляжки бомжеватого горбуна.

То ли он жив, то ли что, то ли это третья полка, багажное отделение, одно понял Матвей, открыв глаза – поезд. Долго лежал и даже не пытался что-либо вспомнить или осознать, вслушивался в стук, и так прошло еще несколько часов. Потом какой-то странный некрасивый человек не то с горбом, не то в пиджаке, надетом поверх рюкзака, потянул его за рукав:

– Матвей Ильич, слазь, щас выходить будем.

Поезд притормозил на каком-то полустанке, и горбатый вытолкнул равнодушное тело Матвея в окно, а потом, выпрыгнув сам, наступил ему на руку. Поезд тут же утащила ночь, а огрызок луны, смеясь, поставил запятую в этой странной истории.

Когда в следующий раз он пришел в себя, его память по-прежнему изменяла ему неизвестно с кем. Рядом с кроватью барахтались какие-то чужие недоразвитые ребятишки, и Матвей решил, пусть это объяснится бредом.

Потом приходила некрасивая женщина в платке, молчала и говорила, что ее зовут Татьяна. Кажется, она лечила его от какой-то болезни, по крайней мере, выгоняла, суетливая, странных детей. Потом она становилась всё разговорчивей,

пытаясь, кажется, внушить Матвею какую-то сложную книжную истину.

Однажды Матвей проснулся и понял, что сознание начинает повиноваться ему. В этот момент он услышал, Татьяна сказала:

– Теперь, когда мы так много всего обсудили с вами, вы можете показаться отцу Елизару.

Матвей почти удивился и покорно пошел за ней по коридорам, облепленным какой-то разноцветной бумагой. Отец Елизар лежал ничком на полу, уткнувшись лицом в красную подушечку, на которой остроумно были вышиты крестиком несколько распятий.

Сектанты, – вяло подумал наш философ.

– Молится, – прошептала Татьяна, и они еще немножко постояли в дверях.

Отец Елизар оказался на редкость приятным, умноглазым стариканом, таким, знаете ли, интеллигением. Слегка прищурившись, он спокойно и быстро прочел всего Матвея – от первой детсадовской фантазии до последней сцены на кладбище – и произнес:

– Надеюсь, вы ознакомлены с условиями контракта?

– Я... Мне говорили, но... – и тут снова улыбнулось беспомощное желтыми цветами на фоне белого неба. Однако потом он довспомнил, что это всё же были желтые листья на осеннем снегу. Когда же включился, какая-то фраза отца Елизара оборвалась, оставив в воздухе:

– ...вам она теперь, согласитесь, уже ни к чему.

– Простите, – Матвей абсолютно не понимал, о чем речь.

– Нет, нет, сейчас не время для споров, когда-нибудь вы побеседуете и со своими волонтеристами, – ответил на это отец Елизар.

У Матвея совсем не было сил охотиться за смыслом, и потому он жалобно попросил:

– Пожалуйста, еще раз с самого начала. Или же я сошел с ума.

Из-под его последней фразы отец Елизар строго посмотрел на Татьяну, а та начала в чем-то оправдываться:

– Да нет, совсем не много, столько же, сколько и всем.

– В таком случае, я жду вас завтра, в это же время, вижу, что вы еще не готовы, – с морщинками легкой досады закивал интеллигений.

– Ну, с самого начала я вам рассказать не могу, иначе нам придется обратиться аж к самому приятелю Адаму, – на следующий день беседа пошла поживее. – Мы выбрали вас, одного из немногих, дабы поселить в этом доме, потому что вы нам подходите, – говорил симпатичный отец Елизар, садясь и подкладывая себе под спину давешнюю красную подушку.

– Что у вас здесь – общество, секта, масонская ложа? – Матвей почувствовал себя способным на вопрос.

– И то и другое, называйте, как хотите. Для вас теперь этот дом – просто Дом. Здесь мы обеспечим вас всем, что необ-

ходимо для жизни, размышления и творчества. Мы предоставляем и гарантируем вам массу свободного времени, богатейшую, я бы даже сказал, уникальную библиотеку, лесные прогулки, беседы и споры с коллегами, даже изюминку абсурда и перчинку страдания, столь необходимые для творчества, – миловидно усмехнулся Интеллигений.

Матвей протянул руку к паузе:

– И что я должен взамен?

– Вот молодец, – обрадовался отец Елизар, ибо пауза как раз и была предназначена для этого вопроса. – Взамен, уважаемый, вы просто должны делиться с нами результатами своего творчества, своими мыслями, изложенными в удобочитаемой форме. Роман, либо там философский трактат – это уж как пожелаете.

– Это называется эксплуатацией мозгов с, возможно, последующей спекуляцией?

– Ну, Матвей Ильич, вы колоссально продвинулись в вашем духовном развитии по сравнению со вчерашним днем. Но всё-таки это называется немного иначе. Люди, собранные нами здесь, работают в первую очередь для себя, они свободно творят, а мы им только помогаем, создавая самые благоприятные условия. Мы не делаем на этом денег. Никто и никогда не продаст, не напечатает ни единого вашего труда ни под вашим, ни под чьим-либо другим именем, ни одна рукопись не покинет стен этого Дома. Только мы, руководители, ваши коллеги и последователи смогут прикоснуться к

вашим драгоценным творениям.

– А если я не захочу ничего писать? – спросил Матвей и тут же странным образом почувствовал, что захочет. – Ну, хорошо, а если я просто уйду отсюда, если мне понадобится уйти?

– Милый мой, нас окружают сотни километров леса, и если вы не хотите повторить подвиг своего собственного ба-
тюшки, – с намеком улыбнулся отец Елизар и впервые показ-
ался Матвею отвратительным, – то...

– Так вы мне угрожаете? Значит, это все-таки банальное
насилие!

– Как это мелко, Матвей Ильич. Вы же сами нас вы-
брали, сами пришли сюда, мы вам нужны даже больше, чем
вы нам. Считайте, что мы просто командидуем вас выпол-
нять необходимую и интересную работу. Отправляясь в сво-
его рода метафизическую разведку, вы поможете нам, помо-
жете человечеству на несколько шагов приблизиться к Ис-
тине.

Матвей одурело смотрел на вещавшего:

– Зачем это вам, лично вам нужно?

– В свое время мы поговорим и об этом. И оставьте в по-
кое свою Фенечку, как Кьеркегор оставил Регину. Можете
вдохновляться ее образом, но живая женщина для вас – это
конец поиска. Кстати, тут у всех наших питомцев есть что-
то вроде подпольных имен, ну, так удобнее. Я бы предложил
вам называться Кьеркегором, слишком уж много сходного в

характере и судьбе у вас с этим мыслителем. Как вам нравится, а? Простенько и со вкусом.

И когда ото всего этого бардака у Матвея снова запрыгали желтые чертики в глазах, он поймал свои веки руками и простонал последний вопрос:

– Что у вас... Чем вы меня... Что у этого горбуна во фляге?

– А, у Псевдо-Квази? – засмеялся где-то за спиной, а потом и под ногами у Матвея голос Интеллигения, – а пусть он вам сам об этом однажды расскажет.

И желтые чертики, наглые, выпили все звуки.

Возвращаясь со спецзадания в тайное шпионское берло-го, ротвейлер Сумрачный как-то странно загрустил. Бес-чувственную Жучку он сложил аккуратненько под кустом, потом разнюхал обстановку на площадке перед клубом соба-ководов, и вот уже отважно трусил мимо тридцать третьего дома одному ему ведомыми тропами, как вдруг запах небы-валого волнения ударил в его правую ноздрю. Сумрачный вспомнил, как беспомощно скатилась Жучкина черная баш-ка с его плеча, когда он перепрыгивал через лужу. И в тот же момент суровый служака увидел, что наступила весна.

В шпионском берлоге все было спокойно. Инфаркт Миокардович мирно, по-домашнему, строил коварные пла-ны, баба Яга искала у бассета блох, а Жиров, Белков и Угле-водов играли в контурные карты и ели черно-красную икру. Они уже съели так много этой икры, что начали икать, то есть говорить каждое слово через и краткую.

Но Сумрачного почему-то обуяло презрение к происхо-дящему, и он не пошел, как делал это обычно, на доклад к начальству, а сразу заснул тревожным, растрепанным сном. Проснулся он перед рассветом, совсем больной и печальный, и захотелось ему совершить подвиг, чтобы унять внутрен-нюю маяту. Тут-то и пришла в голову ротвейлеру мысль про-вести первый допрос заключенной без санкции на то началь-

ства (прямо-таки, скажем, дурацкая мысль).

Так или иначе, он стырил у Миокардыча заветные ключи и, не замеченный никем, пробрался в камеру Евовичи. Проплакав все глаза, девочка безропотно мотала свой сырок. Дело в том, что ужин ей выдали сухпаем, в виде плавленых сырков «Дружба», а у нее с детства была на них аллергия. И вот, чтобы отвлечься от голода, бессонницы, мрачных мыслей и вредной привычки ковырять в носу, Евовичь вытягивала один за другим желтые кубики в струнку и наматывала их на железную решетку, в изобилии растущую вокруг. Получалось красиво.

При виде сумрачно появившегося ротвейлера она взвизгнула и вспрыгнула на нары, как от крысы.

Не бойсь, я тут это... Несколько вопросов, – Сумрачный вляпался в, – не в службу, а в дружбу, скажи, вот ваша Жучка, – и окольными путями понес такую околесицу, такую собачью чушь, что Евовичь и правда бояться перестала. И о том, сколько было у нее щенков, и о том, «Педикгриль» она предпочитает или русскую сахарную косточку, и не мечтала ли она в детстве полететь в космос, и, наконец, как относится к предложению клуба собаководов демонтировать памятники Павлову в некоторых городах.

Евовичь, хоть и была малоопытной девчонкой, никого, кроме брата, в своей жизни не любившей, всё ж таки смекнула, что Сумрачный просто-напросто влюбился в Жучку как щенок. Василиса-наша-премудрая, воспользовавшись этим

открытием, расположила к себе раскисшего врага и выяснила следующие факты: Жучке временно удалось бежать, саму Евович тоже скоро отпустят, но всей семье продолжает угрожать какая-то опасность. Какая именно, тут ротвейлер опомнился и замолчал с чувством собственного достоинства и прилипшего к лапе сырка.

Часы допроса пролетели незаметно для обоих. Из камеры ротвейлер вышел не чуя под собой ног: его как пьяного качала из стороны в сторону классицистическая дилемма: быть или не быть, борьба страсти и долга заботливо сверлила его мозги. В комнате Связи он застал Бабу Ягу, которая вязала что-то для бассета на полуспицах, Хозяина и трех разбойников, прослушивающих какие-то пленки с видом обделенных наследников. Сумрачный только услышал голоса, произносящие *ее* имя. Он не понял, о чем речь, но, набравшись наглости, чтобы скрыть смущение, протянул:

– А-а, Жучка, а мы только что о ней говорили. Долго жить, значит, будет.

– Жучка умерла, – огрызнулся Белков на это, в который раз ощупывая свой раздувшийся живот.

– А жучок? – ротвейлер произнёс фразу, которую, по его мнению, должен был произнести разведчик, не замеченный в морочащих связях. А сам подумал: «Вот и всё, вот и всё!» – и побежал отлеплять сырок.

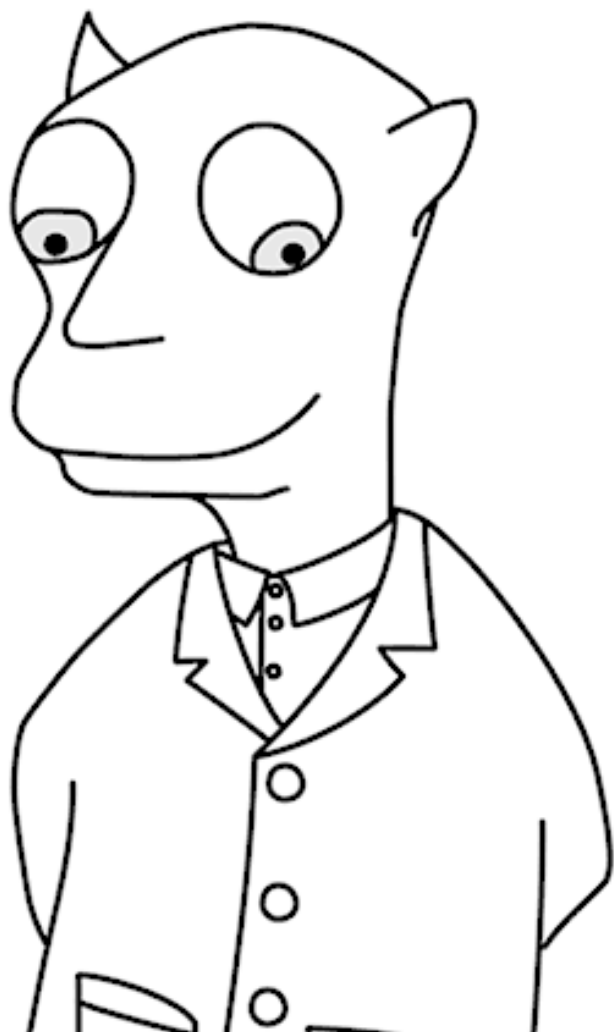
А что жучок?..

И надо вам сказать по секрету (раз уж мы обнаружили у себя в повествовании этот мотив секретности), что начсмены завода футбольных мячей Яромир Кашица очень давно не имел, но очень хотел иметь собаку. Он не мог купить себе породистого щенка, потому что втайне считал куплю-продажу слишком грязным фактом для начала высоких отношений, а подобрать на улице бездомную дворнягу не позволяло дяде Ярику врожденное чувство брезгливости и почти маниакальной чистоплотности. Он мечтал о каком-нибудь выходящем за рамки обыденности случае. Бессонными ночами ему представлялось, как он спасает от пожара или наводнения мохнатое, беззащитное существо, всё вокруг них рушится, а оно благодарно подвывает в его объятиях и... И подобная хрень – в самых красочных деталях.

Сегодня судьба посылает ему – прямо-таки, скажем, воздушный поцелуй. История – куда уж романтичней: только он один может спасти Жучку, благородную дворнягу Сиблингов! Но, увы, он надует, как мяч, ее прекрасное тело, но не сможет вдохнуть в неё жизнь. И, увы, ему еще раз – в любом случае собаку придется вернуть хозяевам.

Хотя насчет последнего обстоятельства была у Кашицы кой-какая мыслишка. Хорошо, что сегодня как раз воскресенье, рабочих на заводе нет, а ключи от клонировочной можно выиграть у Ворошиловского в честном бою. Охранник с удовольствием поставит на кон вверенную ему связку ключей, так как в последний раз продул последний пятак и едва

удержался, чтобы не бросить предательский взгляд на своего трехствольного друга.

Яромир Кашица очень давно не имел, но очень хотел иметь собаку

Дело в том, что по ночам молодой контрразведчик и пожилой начсмены, оставаясь вдвоем в огромном здании Секретного завода, загадывали друг другу загадки.

(Еще из дневника).

Когда родился мой мальчик, я поняла, как похожи друг на друга жизнь и смерть. Нет, неправильно – рождение и умирание. Знак поменялся с минуса на плюс, но неподъемное для человеческого рассудка чудо снова заставило меня задыхаться и искать поддержки у кого-то более сильного. Но таковой среди людей ни в первый, ни во второй раз так и не нашелся.

А я хотела знать, что произошло, как так у человека получается исчезнуть, превратиться в ничто и – наоборот. Почему из пустоты появляется новое существо с всезнающими, самодостаточными глазами? (У моего Матвея были именно такие глаза с первых же дней.)

И главное, что указало мне на их сходство, – это моя роль. Роль человека, самого близкого тому, кто умер, и тому, кто родился. Я давно перестала быть беспечной и безответственной школьницей, но только теперь – впервые и сразу дважды – почувствовала свою незаменимость на земле. В том смысле, что нельзя попросить кого-то, чтобы он за тебя временно пожил, пока ты будешь отдыхать. С ума сходя от усталости, отрывая свинцовое тело от постели, чтобы в пятый раз за ночь накормить и успокоить орущего младенца, я чувствовала только одно: это должна сде-

лать я, это только я могу сделать, и никто... Даже если бы за детской кроваткой стоял целый сонм бабушек и нянюшек, всё равно – никто бы не исполнил роли вместо меня. Не схалтурить, не увильнуть, ни на секунду не обмануть заходящуюся криком неотвратимость.

Такое же чувство было несколько месяцев назад, когда я спрашивала, почему это случилось именно со мной, когда искала хоть какой лазейки для успокоения и не находила. Эдак стояла перед железной стеной, билась в нее головой, а уйти со своего места не могла, потому что уйти с него просто невозможно.

Конечно же, теперь было счастье. Но это было очень трудное счастье. Когда-то, в детстве, а особенно, наверное, в ранней юности – для радости не нужно было прилагать усилий. Как дыхание: оно – мне, а не я – ему. Всё, кажется, плыло навстречу, и что-то удавалось схватить, а что-то плыло дальше само по себе. Теперь каждая минута радости стала стоить мне титанического труда. То, что раньше двигалось само, теперь приходилось заводить и толкать вручную. Но странно и прекрасно – радость, достигнутая таким путем, ничуть не искажалась и не умахалась. Дотащившись через весь день до вечера, вытащив любимого человечка из-под бремени мокрых пеленок, массажей и болей в животике, я зависала над кроваткой как зачарованная. Судорожно смеялась, касаясь щекой спящего личика, а его молочно-карамельный запах, кажется, щекотал мне самое

сердце.

И было только одно чувство, превосходящее по силе этот нежный дрожащий восторг. Было, оно же и осталось, чувство – страх. Вообще я утверждаю, что материнство – это что-то сродни болезни разума, измененное состояние сознания, непостижимое для непосвященных.

С первых дней жизни моего сыночка мне стало казаться, что так или иначе я его потеряю. Спрашивается – с какой стати? Но это спрашивает здоровый рассудок, может быть, исключительно мужской. Болезни, несчастные случаи, какие-то невиданные катастрофы материализовались в кошмар и начали всюду преследовать меня своими наглыми глазами. Нервы оголились: я боялась, что не смогу защитить, я боялась, что со мной самой что-нибудь случится, а он останется один, я боялась даже застрять в лифте или поскользнуться в темноте. И при этом понимала глупость своего истеризма. Но избавиться от него не могла.

Возможно, это чувство знакомо всем, особенно молодым, мамашам. Другое дело, у меня оно усугублялось страшным опытом: еще незабытой, такой неожиданной и уж совсем не объяснимой гибелью любимого мужа.

(Да-да, надо будет написать об этом статью, не забыть, нашему редактору подобные вещи нравятся.)

Среди прочих премудростей, которыми наградил Марка Дом на поляне, значилась так называемая техника ускоренного общения. Целью этой штуковины была возможность в предельно краткий срок не только втереться в доверие к незнакомому человеку, но и узнать этого человека как облупленного. Мимолетный диалог с прохожим на отвлеченно-бытовую тему должен был заменить, по мнению Мэтра-с-кепкой, десятилетие отсидки за одной партой плюс застенно-коммунальное проживание по соседству.

Каким именно образом это должно было происходить, лично мне до сих пор неведомо. Думаю, не одно физическое, а тем паче юридическое, лицо заложило бы душу дьяволу в ломбард, чтобы только сунуть свой нос в секрет этой уникальной техники. Им я одно могу подсказать: принцип примерно тот же, что и в сборе информации при помощи городских реалий – нужно уметь видеть в малом символ большого.

Йозеф был первым человеком, которого Марк смог «прочитать» с помощью Метода. После беседы с Баллистиком нашего искателя чрезвычайно интересовал человеческий фактор. Интриговал, даже можно сказать. Поэтому, когда на автозаправке с ним случайно заговорил нагловатый Парис среднего достатка, Марк поддержал разговор жадно и во всеоружии. Надо сказать, он так рьяно схватился за дело, что

после двух первых реплик о цене на бензин собеседники перешли на ты, следующие две вдохновили Йозефа на дружеский похлоп Марка по плечу, а в результате наш герой оказался приглашенным «вечерком покатать шары», то есть, как он понял, на партию в боулинг.

У Йозефа вдоль щеки была пущена тонюсенькая трубочка, почти проводок, берущий свое начало где-то в глубине уха. Марк было подумал, что это слуховой аппарат (из тех, что так любят рекламировать по радио), но вовремя смекнул – телефон. Трубочка поминутно пикала, и ее хозяин тут же начинал говорить как бы с самим собой, со своим альтер-эгом, а потом внезапно снова переключался на реально-го собеседника. Сначала Марк испугался, что такой живой гипертекст создаст непреодолимые преграды в общении, но оказалось: чем больше информации, пусть бессвязной, исходит от испытуемого, тем удобнее испытателю.

– Нет, извини, брат, вообще-то, твоя очередь... Ну и ну... Да ни за что... Он ему и не простит никогда... Ладно, сделаю, бывай... Да это я насчет телефона, тут меня попросили... Ты-то как? А, это ты, конечно узнал... Нет, солнышко, всё хорошо... Да закрутился я... А ты где? Отлично... Ну, о чем речь, буду... И прилично платят? А я вот, вишь, занялся... Але, нет! Ну и передай ему...

Марк едва успевал вставлять необходимые по плану реплики, когда понимал, что Йозеф обращается на сей раз к нему, а не к невидимому абоненту. «Удобно ему, навер-

ное», – промелькнуло в разведческом мозгу.

– Сколько раз я говорил ей, чтобы не оставляла! Ладно, завтра приеду – разберусь... И ты тоже... Пока не прислали... Ага, пока... А как там твоя эта русская, Глафира или Графена, забыл, с которой ты тогда в яму провалился, ты всё ещё с ней? Разошлись? Помню, как ты рассказывал...

А этого не мог ожидать никто. Полагаю, что даже создатель техники ускоренного общения получил бы на месте Марка обухом по голове. Дело в том, что в беседе Марка и Йозефа сработала обратная связь. Поняли, да? Оба настолько проникли в мысли друг друга, что – сам не желая того – Йозеф ухватил кусочек Маркова воспоминания и принял его за свое. Как-то так. Понятно ли я объясняю?

Возвращаясь после встречи домой, Марк долго думал, прежде чем сесть за отчет. Вот он – своего рода герой времени, Йозеф. Пустота, пустота и – недоверие. Какие-то мелкие биографические неудачи, а скорее всего – общее движение нечистого на руку окружающего мира – убедили этого молодого еще человека не верить никому и ничему. Он чувствует, что ничего нельзя изменить, а потому живет совсем машинально, взращивая в своей бесплодной голове одну за другой бредовые идеи. Да, грустно, а с виду – вроде бы симпатичный.

История последнего увлечения Йозефа была бы нестерпимо скучна для Марка, если бы не впадала в истерику абсурда. Нашего нового знакомого не интересовало в жизни прак-

тически ничего, кроме мобильных телефонов. За последние три года он сменил несколько десятков моделей, а теперь строил грандиозные планы. Синдром коллекционера? Желание самоутвердиться, быть самым-самым? – Марк формулировал предположения, словно фразы для учебника психологии. Но ведь старые, слегка поднадоевшие телефоны Йозеф дарил, продавал и терял без намека на жалость. А как жадно мечтал и бегал в поисках каждого нового экземпляра! И черт бы с ними, с телефонами, теперь у него был самый новый, управляемый только голосом, не требующий прикосновения руки! Но ведь вот до чего докатилось болезненное воображение! Йозеф обдумывал проект вшивания особой трубки под кожу человека, так, чтобы она была всегда с тобой, но в то же время не мешала передвигаться, работать, мыться, спать – да мало ли, в конце концов, чего делать. В общем, чтобы не мешала. Йозеф намеревался запатентовать свое изобретение и стать первым его пользователем после того, как обдумает еще одну деталь. Он пока что не мог решить, каким образом окружающие, заинтересованные и просто посторонние наблюдатели, будут догадываться о наличии у человека в голове самого престижного в мире телефона. Он предполагал, что это будет какая-нибудь мелкая деталь, вроде бирочки, торчащей из уха. Но эта деталь должна стать известной всем, она должна вызывать зависть и восхищение.

И еще, конечно же, Марк думал о своей ошибке. Как могло получиться, что по налаженному им информационному

каналу сведения хлынули в обратную сторону? Он не имел права допускать подобных вещей!

Когда вечером Марк заехал за новоиспеченным приятелем, всерьез восприняв идею боулинга, его заплаканная жена сообщила, что какие-то три негодяя похитили Йози. Она ничего не знает, но, дескать, кто-то давно завидует ему и охотится за его гениальным изобретением.

Эта новость так обескуражила нашего бесстрашного разведчика, что он поспешно откланялся, даже не попытавшись быстро вчитаться в убитую горем рыжеволосую даму.

Ну и вот, значицца, пошли они в баню. Вернее, в Союз банных работников, понесли туда чучело Жучки, выполненное в натуральную величину. Было это на понедельниковом рассвете, и следовала за ними, перебегая от угла до угла, осторожная тень. (Видимо, Яромиру Кашице в эту утреннюю смену тоже не спалось.)

Лада какое-то время пошепталась с тщедушной (но вполне великодушной) начальницей душевого отделения товарищю Веревкиной и всё уладила. Правда, она товарищю возжелала составить протокол оживления собачки и задала несколько вопросов.

– Какова причина гибели вашей питомицы? – заломила она сразу цену откровенности.

– Естественная, – кажется, чересчур поспешно выпалили трое.

Веревкина внимательно осмотрела Жучку, выдавая в себе ветерана ветеринарного дела, но послушно записала: «На теле чучела обнаружены следы естественной смерти». И за чем-то добавила вслух: «Аминь».

И вот понесли Жучку, только захлопнулась перед носом Адамовича дверь с надписью «Душ-и-губка». Что предстоит пережить его верной дворняге, он не знал. Через двадцать минут оттуда вышла санитарочка в розовом халатике с

пильдиком на левой груди: «Ирочка Буженина» и поманила его пальцем:

– Всё в порядке, она отдыхает. Скоро вы увидите ее живой и невредимой, – а потом нежно и очень неожиданно добавила: – А я знаю, что вы ищете.

...в другой ее жизни она французская певичка Нина Буже...

Адамовича, если помните, переклинило на этом вопросе, поэтому он, забыв о конспирации, подскочил.

– Не знаю чево, – продолжала девушка вкрадчиво, – то есть, я знаю, что вы ищете тово-не-знаю-чево.

Спустя час Адамович, Кисса, Лада и воскресшая Жучка уже следовали за розовым халатиком незнамо куда. А Буженина прямо на ходу подгоняла к ним аккуратные тележки о том, что, мол, она живет некой двойной жизнью, что это здесь она банщица Буженина, а в другой ее жизни она французская певичка Нина Буже, и что, мол, ее патронесса и благодетельница герцогиня Флора знает всё на свете, даже то, чего не знает никто, и что, мол, она, Буженина их к Флоре сейчас отведет, и вообще обещала им райские кучи, попутно пытаясь соблазнить Адамовича.

И вот они все вместе пришли в лес. В лесу стоял замок, весь в лесах, на временной вывеске было намалевано желтой краской: «Стриптиз-клуб для слепых “Леди Годива”», а чуть пониже – извиняющееся: «Витрина оформляется». Навстречу им вышла хозяйка замка, герцогиня Флора, дама, страдающая хронической эмигренью, даже в старости сохранившая следы былого безобразия на лице.

Это от первого мужа, – пояснила она, – А это... – её взгляд

упал на изваяния двух мраморных нутрий возле дверей, – прошу вас.

После недолгих препирательств со слепой квохтершей, которая упорно не хотела впускать «зверье», они поднялись по величественной когда-то мраморной лестнице на второй этаж и оказались у доски объявлений. Почему-то на ней была прикреплена только одна ветхая бумажка, чёрным по желтому гласившая: «Кефир в комнате № 5. 3 руб. 50 коп. за бут.»

– Арендаторы, – подмигнула герцогиня Ладе.

Далее друзьям пришлось поддержать на весу светскую беседу о питании раздельном, слитном и через-дефис, а уж потом каждому из них выдали некую тару для нектара, что предвещало приближение угощений. Они приближались со скрипом на небольшой золоченой тележке, толкаемой котом-инвалидом по имени Офелий.

Вы прошили напомнить... – начал тот, шепелявя и немного в нос.

Я помню, ступай.

Офелий медленно кивнул, стал пятиться к дверям и, наконец, скрылся в их темном проеме, что-то прошипев.

Он уже давно у нас. Последний из рода Поплавских. Ничего не помнит о своей родне... Но вернемся к делу, – сказала герцогиня и растворилась в утренней дымке.

Странная она какая-то, – вздрогнул Адамович.

Зато объяснила всё как положено, – съязвила Кисса.

И тогда начал мигать и гаснуть свет, причем не только в

плафонах замка, но и за окнами, кажется, тоже.

– Ой, – прошептала Кисса, потому что ей показалось, что она теряет сознание. И еще показалось Каруселькиной на миг, что из темных подвалов памяти на нее надвигается нелепых размеров кот, чуть ли не с рогами, и шепелявит ей прямо в ухо:

Вот ты меня послушай, я всё жнаю. Жил-был Кощей, и хранил он шмерть швою как и положено в яйше. Надумал он женичшыя, ну, ештештвенно на Вашилише. Штал он, жначит, шары к ней подкатывать. А тут Иван-то Шаревись – хватъ Кощея за яйшо и не отпускает. Отобрал, жначит. Потом... – кот закашлялся, судя по всему, он был серьезно болен, – Пошле этого и штали яйша отборными наживать. А шмерть теперь Кощею негде хранить, поэтому он и не хранит ее больше.

Кисса хотела истошно завизжать, но сдержалась и выдавила в лицо этому коллективному бессознательному:

Какая гнусная история.

Я и не такие жнаю, – усмехнулся кот, уже растворяясь, уступая свое место сознанию и свету.

А Ладе привиделось немножко другое. Почему-то она поняла, что это был консерж: к ней подошел огромный консервный нож, и воздухе запахло морем. Лада никогда не нюхала моря, но она слышала, как говорили: запахло морем. Повеяло великими открытиями, и слева от консержа прозвенело: «Колумбово яйцо, вся Истина в колумбовом яй-

це...», – причем Истина прозвучала явно с большой буквы.

– Чушка кая-то, – пробормотала прагматичная наша Ладушка.

А к Жучке явились какие-то братья Гриль. Сначала с потолка посыпалась еда, а потом вошли они, с табличками на груди, гласившими: «Мы – братья Гриль». Один из них заговорщицки признался:

– А мы умеем делать шаверму из собак.

Другой был еще менее адекватен, он начал рассказывать:

– Жили-были баодед и баобаба. И была у них курочка баоряба. Снесла раз она...

Но Жучка не стерпела такого издевательства. Она что было силы закричала на непрошенных гостей: «Гав-гав-гав!», и те позёрно отступили, показав зрителю спины с табличками: «Мы – братья Сычужные».

Вот такие дела. А что же увидел Адамович? Когда внезапно стемнело, он неловко вскочил, что-то опрокинул и что-то пролил, возможно, свет.

– Сядь, – повелела Ирочка-Ниночка и сама взгромоздилась к нему на колени, – Ты должен убить Кощея. Он не бессмертный, смерть его живет в хрустальной пепельнице, похожей на яйцо. В данный момент пепельница – в животе у Белкова. Верный слуга день-деньской сидит на горшке, пытаюсь извлечь смерть Инфаркта Миокардовича как можно тактичней. Кощей волнуется и ждет. А ты должен их всех перехитрить.

Тут все пришли в себя от Жучкиного лая. Вернулся свет, вернулись угощения, вернулся даже кот Офелий, прятавшийся за филенчатой дверью, и просипел:

– Уединения жаконщена, гошпода!

Причем увидев последнего из рода Поплавских, Кисса Каруселькина попыталась спрятаться за Адамовича, так, на всякий случай. А когда котяра вышел, откланявшись, Лада цинично победила остатки наваждения, брякнув:

– Ишь, как воздух испортил, мерзавец.

Он уже давно у нас. Последний из рода Поплавских.

И всем сразу стало смешно и спокойно, всем захотелось скорей вон из замка, на волю.

Матвею нравилось наблюдать, он только удивлялся тому, как быстро можно привыкнуть к нелепости и несвободе. Единственной отрицательной эмоцией молодого философа было желание грубо и по-мужицки ударить в лицо наглого Псевдо-Квази, обманувшего, опоившего и продолжавшего исподтишка издеваться.

Матвей не думал, чем рано или поздно закончится этот бедлам. Приняв все условия Лесного Дома, он отдался созерцанию и стал осторожно знакомиться с сектантами.

Сумасшедшими они не были. Но нормальными людьми – тоже вряд ли. Матвею представлялись они какими-то заколдованными что ли; такое определение вполне гармонировало с обстановкой, при этом двусмысленно кивало на лица и отношения между ними.

Не торопясь делать выводы о товарищах по несчастью, герой наш взялся укрощать идею, которая брыкалась и вставала на дыбы с первой минуты возвращения сознания. Я не Кьеркегор! – выстанывало в нем дитя двадцатого века, а между тем именно так называли Матвея все ныне окружающие.

(Он был цельный, он знал, что искал, он находил Бога в парадоксах, и гармонию и смысл даже в человеческом существовании. Я разломан и разбит, но не тем, что произошло со

мною лично, а тем, что произошло с миром и человеческой мыслью, в том числе и после Кьеркегора. Он мог отдаться всецело поиску, я – нет, потому что я в этот поиск не верю. Я изучил основы философии, историю, литературу, и я не верю в то, что можно действительно найти смысл и сказать что-то новое. Такое новое, что духовно обогатит людей, даже для себя самого я не смогу найти цели поиска, с Фенечкой или без нее. Он мог не вернуться к Регине, я же к Фенечке, скорее всего, вернусь, или к тому, что от нее останется, а если не останется ничего для меня – тем лучше для нас обоих.)

Как только Матвей начинал стараться не думать о Фенечке, в памяти его приходил в движение всегда один и тот же эпизод. Тогда возвращались они из гостей. Это было в самые сочные, самые невесомые, первые и почти безоблачные их дни. В гостях у ее друзей журналистская братия напилась до положения всяческих риз, а один лохматый мерзавец так развинтился, что начал совсем машинально и тупо приставать к девушкам, а мужчинам грозить жестокой расправой. Матвей и Фенечка, ни слова не говоря, даже не глядя в глаза друг другу, как-то слаженно оделись и счастливо выпали в холодную ночь. По темному двору они шли, тихонько смеясь и целуясь, то есть буквально не отклоняя одного лица от другого. И вдруг (ну нет в русском языке достойного синонима, способного заменить это прекрасное, всем надоевшее «ивдруг») – луна покатила, как мячик, куда-то вбок, и не разжимая объятий, не чувствуя боли и ничего не пони-

мая, они оказались на дне глубооченной траншеи. Из тех, что так любят рыть в наших дворах для ремонта якобы каких-то труб.

И вот они лежали, обнявшись, и хохотали, и не могли приподняться, и даже не пытались этого сделать — от смеха. Матвей чувствовал спиной, как погнулся при падении ее длинный модный зонтик, а губами ловил, задыхаясь, пахучий оранжевый ливень. Потом, когда они замолчали, услышали голоса. Тот пьяный господин из Фенечкиных приятелей вырвался на поиски приключений: как позже рассказывали очевидцы, он стащил у хозяев нож и почему-то босиком ломанулся к метро, в погоню за удалившейся парой.

Кто? Ну правильно, кто-то ведь их охранял?

Хотя о мистических смыслах Матвею было думать не по карману. И он отмечал для себя с усмешкой, что его поймали и держат здесь, чтобы выдаивать умные мысли, а ему особое удовольствие доставляет не думать о том-то и том-то. Обо всем, кроме бытовой мельтешни.

— Господин Кьеркегор, что вы можете сказать о масштабах? — хватал Матвея за рукав бородатый мудрец на пути из сортира в умывальню. Далее шла неразборчивая и многотрудная теория о соотношении жизненных этапов человека, о соотношении этапов истории и мировой культуры.

— Сопротивляться может только здоровый организм, — врубался неожиданно в сознание Матвея шизофреничный кролик, только очками напоминающий Адамова потомка. —

И сильный. То же самое происходит с духом. Сила не есть грубость, всё это ерунда, что говорит господин Руссо из десятой комнаты. Воспитать в человеке сопротивляемость жестокому миру можно только на основе здорового и сильного духа. Но сопротивляемость не следует путать с нечувствительностью к боли, попомните мое слово.

Матвей пытался вежливо отвечать – не спорил и не соглашался, стараясь идти параллельно. А кроликоподобный – (Господи!) – тут же скатился с умствования на описание собственных болезней. Так вот, значит, откуда этот ипохондрический ветер! Хотя неизвестно еще, что в данном случае первично. А случай был клинический. Через полчаса Матвея уже тошнило от груза нескольких томов медицинских знаний, и он с наслаждением переправил болезненного философа кому-то из праздношатавшихся.

При этом они все вроде бы что-то сочиняют и даже заслуживают одобрение отца Елизара. При этом я и сам скоро буду таким, если не захочу и не смогу выбраться отсюда.

А может, это всего лишь грандиозный спектакль, разыгранный для меня одного? И всем назло Матвей начал записывать свои мысли об окружающем, еще не совсем понимая, что это будет и нужно ли это кому.

Нет, все они не сумасшедшие, но у каждого слишком сильна идея фикс. Один считает себя благодетелем человечества и поэтому варит яйца вкрутую для своих соседей, не понимая, что они любят всмятку. Другой – всё фотографиру-

ет, третий изобрел вечный двигатель, четвертый ушел в прошлое, пятый еще что-то, их как будто кто-то закодировал, но сами они этого не понимают. Они уже ничего не ищут, их заклинило на какой-то мысли и ее они продолжают растить и размазывать во всех направлениях.

Очевидно, в эпохи так называемых исторических подъёмов именно это место в голове людей занимали так называемые великие идеи. То бишь – крестовые походы, инквизиция, войны и революции – всё вырастало из заикленности какого-либо деятеля на одной грандиозной (по его мнению) мысли. Во времена же упадков и мыслишки становились так себе. Вот как и теперь – распыление, мелочь одна. И не знаешь, что лучше: великое ужасает, мелкое – удручает.

Сначала он думал, что это местная особенность. Нет, Матвей вспомнил, он стал вспоминать и увидел, что многие – на воле – тоже страдали подобным. Он вспомнил одного своего знакомого редактора, вполне здравомыслящего и неглупого, с которым ему довелось побеседовать за два года всего около десяти или пятнадцати раз. Но по странному совпадению (стечению каких-то там обстоятельств) четыре раза из десяти разговор сводился к одной фразе, к одной теме, никак не связанной с предметом деловой беседы.

– Я не могу понять, – говорил редактор с очаровательной и остроумной улыбкой, – зачем люди заводят детей? Мне в свое время забыли объяснить. Теперь моему уже семь, но я так до сих пор и не понял. Вот и спрашиваю у всех, может

быть, вы мне объясните?

Первые раза два Матвей пропустил тираду мимо ушей, дежурно и любезно улыбнувшись. В третий раз редактор задал этот вопрос при Матвее – кому-то из новеньких. И кто-то из новеньких явно смутился. Нет, не похоже, чтобы это было стандартной формой проверки незнакомого человека. И на мальчишески эпатирующую шутку тоже не тянуло: обычно редактор мыслил достаточно оригинально. Тогда что?

А если он действительно не понимает, то зачем говорит об этом так часто? Причем твердит, как заученный стих, всегда в одной и той же форме?

В четвертый раз редактор наткнулся с этим вопросом на Фенечку.

– Вам это и правда нужно знать? – протянула она в задумчивой обиде.

– Да, я серьезно и искренне спрашиваю. Я сам никак не могу понять.

– Чтобы любить, – ответила разумница, и Матвей видел, как она душит в себе эмоцию: не то возмущение, не то воодушевление.

Интересно, а у самой Фенечки есть навязчивая идея? Да, пожалуй. Матвей заворачивал мозгами, но никак не мог ее сформулировать. А у меня? Ведь все эти люди не замечают бревна, то есть никто не поверит в ненормальность своего образа мыслей. Значит, возможно, не замечаю и я.

Матвей схватил со стола приготовленные и ждущие давно

писчебумажные приборы и начал строчить взмахом – впервые за многие месяцы.

Ку-ку, – за дверью послышался низкий женский голос.

Кто там? – прошептала Евовичь и прильнула к глазку в замочной скважине.

Здесь навесной замок, – слышался всё тот же голос.

Евовичь поспешно вставила ключ и некоторое время, может, от волнения или просто так суетливо поворачивала его влево-вправо. Наконец с той стороны помогли, и дверь, с трудом и лязгая, упала внутрь вонючего каземата, придавив собой нашу героиню. Придя в себя, преодолевая головную боль, Евовичь услышала, что в дверь стучат.

Ку-ку, – раздалось уже совсем близко. Дверь больно давила на грудь, тем самым затрудняя дыхание. Сверху кто-то копошился.

Входите, открыто, – выдавила Евовичь.

Я друг, меня зовут Еёвичь, – должно быть, незнакомка устраивалась поудобнее на своем железном ложе. Во всяком случае, дверь продолжала покачиваться в такт постановываниям нашей героини.

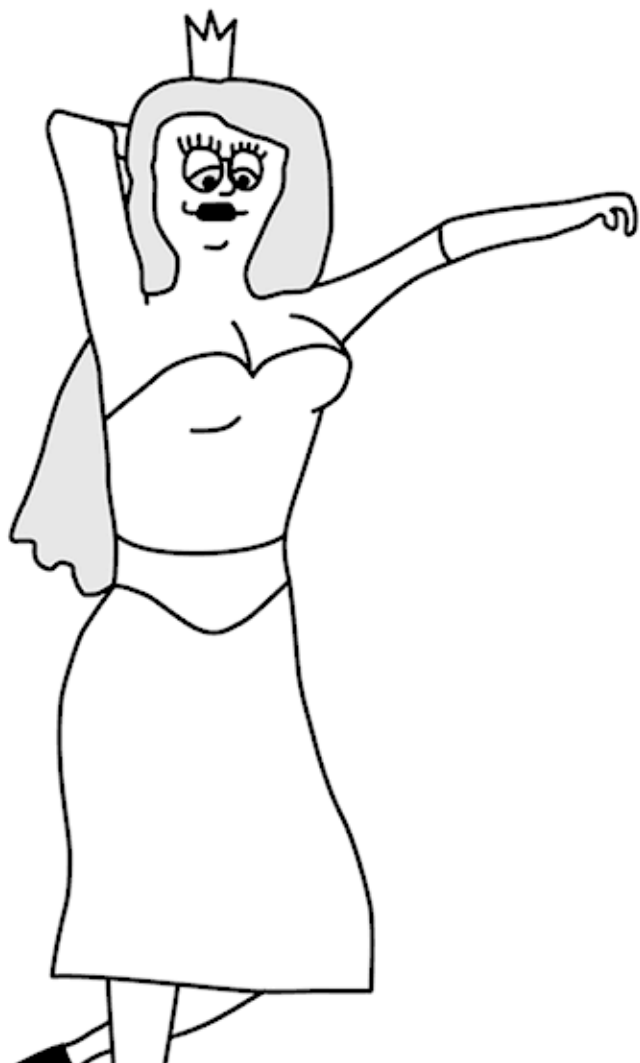
Очень... приятно, я Евовичь.

Вы знаете, я страшно счастлива, – верхняя собеседница явно была расположена к продолжительному диалогу.

А я, признаться, страдаю. Например, от вредных привычек, – и Евовичь попыталась спрятать руку с изгрызенными

ноготками за спину, но у нее это не получилось.

– Кто там? – прошептала Евовичь

Дверь укоризненно качнулась вправо:

– А вот это неразумно. Нужно научиться абстрагироваться от собственного страдания. Вы разве не умеете? Я, например, этому легко научилась, когда была совсем маленькой. А точнее, я была тогда еще совсем зародышем в голове нашего с вами автора. Наш автор очень часто абстрагировался, когда обдумывал, как бы поудачнее вклеить меня в текст.

– Ка... Какой еще автор? – замерла несчастная девочка, вконец придавленная таким высказыванием. – Мне мама и папа говорили, что всех людей сначала создал бог, а уж потом человек произошел от обезьяны. Или... наоборот...

– Ой, милочка, – захихикала искусительница, приводя в волнение железную преграду между собой и слушательницей, – на какой же низкой стадии развития вы находитесь! Как вам там, кстати, внизу, не давит?

– Спасибо, мне уже легче, – вежливо проскрипела Евовичь, – наверное, начинаю привыкать или, как там по-вашему, – абстрагироваться?

– Так вот, о чем я? Да-с, знаете ли, вся наша жизнь – это текст, – голос Евовичи изменился на телевизионно-эстетский, слова потекли манерно и тягуче, – наша жизнь – это текст, а люди в ней – сосиски в тексте (есть такое блюдо, знаете?) Так вот, дорогуша, всё, что бы мы ни делали, что бы с нами ни происходило, это называется простым не то фран-

цузским, не то китайским словом сю-жет.

Евовичь как-то хрипло вздохнула несколько раз то ли от слов незнакомки, то ли от ее активных перемещений вдоль двери.

– Знать об этом сейчас очень модно, а не знать – стыдно. Я говорю вам это, чтобы вы знали и не стыдились. Сейчас, пока никого нет... Всё это произошло оттого, что пришел (кажется, по почте, судя по названию, от английского) некто Постный Модернизм. И поэтому стало нельзя есть ничего такого... А вот когда вернется Модернизм Скоромный, тогда мы с вами...

Евовичь тихо закричала от какого-то небывалого прежде просветления, а нагловатые слова сверху продолжали насильно ее просвещать.

– Так в чем же тогда ваше счастье? – наконец осмелилась прервать ораторшу обессиленная героиня.

– О, по счастью, именно вы оказались моим товарищем по несчастью! Меня поместили в соседнюю с вами камеру для какой-то очередной аллюзии на (не помню, как его фамилия). Но боком мне выходят все эти...

– Простите, – простонала Евовичь, – нельзя ли позвать слесаря, чтобы он водрузил на место эту железную дуру? Иначе я уже сейчас могу умереть.

Секунду поразмыслив, визитерша ссыпалась с двери и застучала каблучками по коридору – не то испуганно, не то обиженно. Евовичь не помнила, как пришел слесарь, как

приподнял плиту, чуть не ставшую для героини могильной, как приварил на место и запер дверь. Когда девочка очнулась, всё уже давно закончилось и стихло. И только авоська с зелеными яблоками, из тех, что носят в больницу бедным родственникам, лежала рядом с ее головой, убеждая в реальном существовании разговорчивой посетительницы.

Он даже прям не знал чему верить: своим глазам или своим ушам. Вчера его уши услышали фразу, опалившую сумрачное сознание: «Жучка умерла». Сегодня, вот сейчас – Жучка собственной персоной стояла перед ним. Это была точно она, ротвейлер мог бы поклясться, теперь он узнал бы ее из тысячи! Только хвост у Жучки был перебинтован толсто и некрасиво, и это очень не шло к ней.

Так стояли двое друг против друга, не зная, что сказать. Сумрачный вспомнил, что вообще-то расстались они врагами, и смог вымолвить только:

Ты?

Я, – ответила Жучка сдавленно-хрипловато, но Сумрачному показалось, что в переулке от ее голоса засвистели соловьи.

Что у тебя с хвостом? – твякнул он участливо, но скорее машинально.

Не твое собачье дело! – огрызнулась она довольно цинично и собралась уж было идти, но, видно, что-то в его взгляде ее остановило. – Ты вот что... Можешь познакомить меня с

Шоколадным Зайкой?

Могу! – скулынул Сумрачный, не успев подумать о том, кто такой этот Зайка, и где он его достанет. – Может, пообедаем где-нибудь с шампанским?

Да уж, развелось ухажеров как собак нерезанных, – притворно вздохнула и закатила глаза к небу Жучка, – впрочем, можно и пообедать. Только, чур, платишь ты, плюс Шоколадный Зайка, плюс будешь молчать, что мы с тобой встречались, а то мой хозяин... – Жучка не договорила, а только загадочно улыбнулась и тряхнула кудряшками на ушах, доставшимися ей от предка-спаниеля.

Сумрачный был где-то вне себя от восторга.

Марк сидел в какой-то кофейной забегаловке, разложив перед собой на столе феномены массового сознания. Посетители слонялись возле, ступая тихо и тяжело.

На четырех листах формата А-4 были нарисованы какие-то абстрактные каракули – Марк был неважным художником, плюс необходимость конспирации. Но для него самого эти каракули обозначали соответственно: «Политика», «Экономика», «Спорт», «Искусство». Он вглядывался поочередно в каждый из листов, пытаясь высмотреть хоть где-то ответ на полученное задание.

(Слоновая топотня посетителей кафешки вдруг взорвалась начинкой громких и несогласных голосов. Какой-то господин средних лет, оказывается, хотел войти в помещение со своей огромной собакой, охранник же ему в этом сначала вежливо (а потом все более нажимая) – воспрепятствовал.)

В эти месяцы Марк очень много работал. Знакомился с людьми, изучал их по специальной методике ускоренного общения, следил за событиями общественной жизни, думал, решал, обобщал. Даже воровал документы и стрелял из-за угла. Он натыкался на множество идей в головах и на устах людей, и большинство этих идей были настолько дурацкими и непотребными, что, несомненно, могли бы быть насильно внушаемыми кем-то свыше. Но чем дальше Марк шел в сво-

ем поиске, тем скорей отбрасывал каждую следующую идею.

Дотошно анализировались, а потом летели в мусорную корзину его мыслительного процесса и нелепые решения во время выборов, и необъяснимая национальная неприязнь, и погромы футбольных фанатов, и нежная привязанность к рекламируемому, и плебейское доверие к телевидению, и даже снобистское охлаждение родственников друг к другу. Чудовищное отсутствие логики, да просто глупость человеческих мыслей и поступков – стали казаться Марку атрибутами хомы сапиенса, чем-то неотъемлемым и родным.

(Администратор даже пошел вызвать полицию, а охранник сам было начал прикладывать руки к плечам настырного господина. Но спутник скандалиста, тоже приличный на вид джентльмен тех же самых средних лет, что-то сказал вполголоса, и все начали угоманиваться. Собаку привязали снаружи, и оба господина не постеснялись усесться у всех на виду.)

Однако шифровки, регулярно догонявшие Марка по «городской почте», продолжали твердить о том, что кто-то уже попытался занять место самого господа бога, завладев умами человечества и механически диктуя свою волю. Эти шифровки добавляли в постскриптуме, что резидент недоволен, торопит, а дальше ставили многоточие, что означало, пожалуй, грядущее отстранение от задания.

Сегодня Марку показалось, что он окончательно зашел в тупик.

Друг с другом вновь прибывшие господа заговорили на другом языке, а по тому, как у нашего разведчика застучало в висках, он понял — этот язык всё еще жил у него в крови.

— ...говорил тебе, ты, Иван Михалыч, больно уж любишь на публику... — оторвалось от их столика.

— ...я не суеверен, ты не подумай, и не склонен к восприятию слезливых метафор, которыми потчует нас случай...

Марк понял, что он моментально должен подняться и выйти, иначе обух воспоминания прикончит и без того едва дышащее дело.

— ...хорошо же ты тут устроился. И сколько получаешь за штуку? Тридцать?

— Бери выше, все шестьдесят...

Собирая в карман свою писанину, он подумал, что собака могла бы быть хорошим предлогом для начала беседы (это уже по привычке последних месяцев заговаривать с неизвестными). Но он и рта не имел права открыть по-русски, а другой язык сейчас бы прозвучал кощунственно.

— ...Хе-хе, вот именно. А во имя чего, Иваныч?

— Да, я думаю, мне простят... бог не яшка...

Выходя из кафе лицом в воздух — «как-ни-в-чем-не-бывало», минуя сумрачно взиравшего на мир привязанного пса, Марк с трудом сдерживал себя, чтобы не сорваться с места навстречу весне. Потому что он был еще очень молодым и очень горячим, а может быть, даже неопытным искателем приключений. Он шел и шел и дошел до старого городского

парка, где остановился насильно успокоить себя.

Здесь он не был давно, пожалуй, с первых, ознакомительных дней своего пребывания в городе. А этого полуразвалившегося грота и вовсе ни разу не видел. Красиво... Марк постоял на краю, рассматривая заросшую цветами внутренность провала. Да, красиво получилось. Это большая удача. Теперь он знал достаточно много, чтобы остаться в пределах своего задания. Во-первых, он знал, что экспериментальный генератор запущен, и он знал точные координаты его влияния. Во-вторых, Марк понял, что должен сам поехать и проверить на себе действие этого генератора, то бишь – взобраться на самое высокое в этом месте здание (чтобы поближе к небу) и записывать всё, что будет приходить в голову. В-третьих, он верил, что резидент одобрит это решение и позволит ему на время уехать. А главное – Марк был горд, что достиг вершины техники ускоренного общения: он смог вывести это всё, даже не заговаривая с посетителями кафе.

Друзья шли и по-братски делились впечатлениями. Противоречивость информации, полученной каждым из них в бреду, благопрепятствовала не только дальнейшему развитию событий, но и мыслительному процессу героев. Сопоставив данные, Адамович, Кисса, Лада и Жучка, смогли только вычленить ключевое слово «яйцо», но ни достать его, ни что-либо с ним сделать, ни даже приложить ума к нему – они были не способны.

Откуда ни возьмись, вдруг вынырнула из-за деревьев подозрительного вида машина и остановилась в нескольких метрах от героев, преградив им всю лесную дорогу. Со штурманского сиденья выскочила на поляну Альбинка Белкова-Протеина и сразу затараторила что-то неимоверно быстро. (Наши герои не сразу узнали Альбинку в лицо, потому и не удивились, как это ей, мол, удалось так быстро освободиться из милиции, но мы-то с вами узнаем ее при любых обстоятельствах, поэтому – удивляемся. Как это ей так быстро удалось?)

Некоторые вещи из Альбинкиного трюнденья все-таки удалось им опознать. Оказывается, она говорила про какого-то очень важного и богатого человека по фамилии Бог, у которого она, Протеина теперь служит секретаршей. Яков Иванович Бог, якобы, – владелец заводов, домов, пароходов

и даже одной радиостанции под названием «Радио Бога». (Правда, Киссе слышалось, что это Альбинка просто их о чем-то слезно умоляет.) Также рассказчица успела протараторить последнюю сплетню: супруга Якова Ивановича, особа со странным именем Фрекен, недавно его бросила не то для того, чтобы честно трудиться в местной парикмахерской, не то ушла к какому-то маньяку и педикю Юре. (Опять же не ручаемся за точность смысла, потому что с произношением у Белковой – сами видите, беда какая.)

И вот всё это девушка с иностранной фамилией успела проговорить за то время, как представительный господин за рулем закрывал стекло, открывал дверь и опускал ногу на усыпанную шишками влажную землю. Ребята и зверята тут же поняли, что этот господин и есть Яков Иванович.

Бог вышел из машины и, важничая, подошел к Адамовичу:

– Вы – Адамович?

– Да, я – Адамович, я ищу того-не-знаю-чево, – вкрутил тот ни к селу ни к городу.

– Тогда извольте получить.

Бог протянул мальчику запечатанный сургучом пакет, потом ударил по земле хлыстиком с золоченой рукояткой, отчего Белкову сдуло на сиденье машины, и, ни на кого больше не глядя, вернулся за руль. Представление было окончено, авто горячо вздохнуло и исчезло за соснами так же неожиданно, как.

– Наверное, это и есть то-не-знаю-что, – поперхнулся от волнения Адамович и тут же вскрыл сверток, не читая даже, что написано сверху.

– Оп-ля, вуа-ля! – защебетало что-то, и прямо из пакета выпорхнул на друзей наш старый знакомый Чижик Пыжик.

– Вот это номер! Как ты здесь оказался? – воскликнули изумленные все.

– Я вам прислался, – прококетничал Чижик, охорашиваясь, – знаете, ведь мне понравилось путешествовать бандеролью! Спишь всю дорогу, даже похмелье не мучает. Вы меня однажды спасли, а теперь я приехал к вам на помощь, потому что уже пришел мой черед.

Он попросил несколько минуток внимания, и друзья послушно расселись вокруг – послушать как всё было и вообще, что к чему.

– Меня очень быстро доставил тогда почтальон на мою малую родину, на Фонтанку. Я привел себя в порядок, выпил водочки и стал наслаждаться жизнью, как только это возможно. Идут пароходы – салют Чижику! Идут туристы – деньги на башку бросают. Я так расчувствовался, что и уснуть не мог всю ночь. Вдруг под утро вижу: дамочка молодая, как будто бы не в себе – остановилась себе на мосту и вроде как сама с собой разговаривает. Ну, ничего, думаю, бывает, я вот тоже, например, частенько того... Только нет, смотрю, не того. Берет эта дамочка и через парапет перелезает и в воду прыгает. Ага, это значит – другая категория, совсем, видно,

плохо там у нее. Только дамочка сначала в воду-то нырнула, а потом сразу вынырнула и поплыла. Видать, холодок-то апрельский ее пыл-то поостудил. Да и плавать она, видимо, была с детства приучена, это ее от утопления и удержало. Подплывает, значит, она к моему парапету, сама ревмя ревет и зубами стучит. Я тут ей и говорю: «Уважаемая дамочка, не лучшее время вы для подводных прогулок выбрали. Забирайтесь-ка на мой постамент». Она меня увидела, разглядывать стала и вдруг как засмеется: «Ой, что это за курочка говорящая такая!» – это она обо мне, представляете? Ну, я ей, естественно, водочки предложил, она не отказалась и начала тут же какую-то чушь молоть. Что, дескать, милый ее бросил, а когда она отправилась на поиски этого милого, ей, вроде, сказали, что он помер. И вот теперь, мол, она плачет, убивается, жить без него не может, с жизнью прощается. Вроде бы и ребеночек даже у нее от него наметился, и вот теперь – всё уже ни к чему. Говорит мне: «Спасибо тебе, курочка, ты меня рассмешила, пожалела, может быть, еще подумаю да и останусь в живых». А я ей и отвечаю: «Да не курочка я вовсе...»

– Послушай, Чижик, – возмущенно перебил Адамович, – ты, кажется, обещал нам помочь, а вместо этого рассказываешь какие-то басни про сумасшедших дамочек.

Чижик хлопнул себя крылом по макушке:

– Ну да, я и хотел же рассказать, как я снова к вам попал, но согласитесь, эта история тоже интересная, правда? Эту

дамочку на «Скорой помощи» отвезли, а через час появился мужчина.

– Я вам прислался, – прококетничал Чижик

– Ее милый, что ли? – язвительно предположила Лада.

– Да нет, он-то с ней никак и не связан был. Просто так себе мужчина – подходит к парапету и говорит тихонечко: «Чижик!» А сам и смотрит, вроде даже в другую сторону. И снова так едва слышно: «Чижик Пыжик!» Тут я понял, что он просто милиционера опасается близстоящего, а значит, или выпить со мной хочет, или же опять меня похитить. Я ему и отвечаю как можно громче, что, мол, мой господин, вам от меня надо? А он мне так же тихохонько, глядя куда-то в небо, всю вашу историю рассказал. И как вы во всю эту чушь собачью вляпались, и как потеряли Евовичь, и как Жучку раздавили, а потом воскресили – всё по порядку. И вот теперь, говорит, Чижик, пришла твоя пора быть волшебным помощником. Я, говорит, тебя научу, как и что сделать, да бандеролью-то и отправлю. Добрый такой дядечка, приветливый, взял да и отправил.

Адамович наконец догадался прочитать на бумажном пакете с сургучными наклепками фамилию отправителя. «Кому – Адамовичу. От кого – от Владимира Проппа. Кто – третий волшебный помощник».

– Значит, я тоже видела этого человека! – радостно взвилась Каруселькина. – Он разбудил меня тогда после сосисок, на скамеечке.

– А я – слышала. Он мне позвонил и сказал тоже что-то про главную миссию, – приятно поежилась от воспоминания

Лада.

– Радостное совпадение. Чижик, выкладывай факты, – голос Адамовича как-то покраснел от напряжения в предчувствии близкой развязки.

Чижик еще потоптался молча секунд несколько в лучах всеобщего внимания, а потом шепотом приоткрыл друзьям тайну спасения.

(Последнее...)

Последнее – что я помню, что осталось мне вроде весточки от моего сыночка...

Когда я в очередной раз, всё еще надеясь, вошла в парадную дома, где он жил последнее время... Одним словом...

Это было раннее утро, а она, видимо, так и проспала под дверью всю ночь, эта девочка. Сидела так неудобно на сумке, закинув голову к стене и обхватив руками живот. Я стояла и думала, что она последняя, должно быть, видела его. И может быть, он был в этот момент еще счастлив. Но всё говорило о том, что расспрашивать ее бесполезно.

Она проснулась и тяжело осознала происходящее. Я назвалась, и девушка заплакала. Она не могла долго говорить, постоянно впадая в какой-то не то обморок, не то сон. Я предложила вызвать для нее «скорую», но она не ответила, не расслышала. У нее были очень больные и очень зеленые глаза, вернее, очень красные. Мы посидели рядом и поплакали, но я не решалась ее обнять, несмотря на единство нашего горя. Я боялась, что она могла оказаться одной из причин... И хоть страдала она тоже искренне, но я не могла.

Я уехала, так и не узнав ее имени, так и не спросив, от него ли ребенок. И теперь страшно жалею об этом – мне

теперь ее не найти.

Конечно, Жиров, Белков и Углеводов, как истинные разбойники, не дураки были выпить. И очень даже не дураки – выпить за чужой счет. Может быть, смешно и недостойно было вступать в спор с нахальной серой птичкой, мол, кто кого перепьет, но это всяко веселей, чем постно стоять и охранять логово хозяина-Кощея.

Серая птичка (так и не назвавшая им своего имени), казалось, наливала из воздуха разные крепкие напитки. По крайней мере, за все три часа посиделок в кабаке под названием «Куль и нары» к ним ни разу не подошел официант. Рюмки наполнялись сами собой сразу же, как только разбойники их опустошали. И птичке – хоть бы хны! Жиров уже давно валялся под столом, не вылезший после очередного тура русской народной игры «тигр идет», Углеводов периодически срывался с места и, нелепо вспархивая, бежал не то в курилку, не то в петушилку, а упрямый Белков тянул за столом, как резину, унылую песню без мотива и слов.

Чижик уже почти совсем отчаялся: ну не тошнило этого Белкова, хоть ты тресни! Обычно – даже более крепкие на вид собутельники – возвращали проглоченное гораздо охотнее и быстрее. А друзья томились, ожидая условного сигнала Чижика в укромном месте.

И вдруг дверь кулинаров отворилась, и некая старушен-

ция в косыночке и с оранжевым подносом приблизилась к пьянствующей компашке.

– Горячие пирожки, – нежно проблеяла она прямо в ухо изнемогающему от пения Белкову.

– ...Ё! – прозорливо насторожился Чижик.

– С печеночным паштетом и с яйцом, – опередила старушка его мысль.

Она аккуратно пристроила свою ношу прямо над телом Жирова и вежливо осведомилась:

– Товарищу своему будете брать?

Песня отпетого разбойника зависла на самом интересном месте.

– Однако, – проямлил Белков, глядя на Чижику, на старушку, отсчитывающую сдачу, на вернувшегося из ссылки Углеводова. На Жирова он посмотреть не успел. Задумчиво жуя пирожок, Белков припомнил свое непутевое детство и свою безалаберную юность. Но какое-то врожденное чувство, отдаленно напоминающее чистоплотность, помешало ему сделать это прямо здесь. Опрокинув стол вместе с друзьями-собутыльниками, верный яйценосец Инфаркта Миокардовича долгожданно и громко вырвался во двор.

Адамович едва подоспел. Прямо в руки его из недр белковского желудка выстрелил предмет, по описаниям отдаленно напоминающий хрустальную пепельницу в виде яйца. Наконец-то! Ай да Чижик! Ай да гастрономическая бабуля!

Белкову на миг показалось, что он стал усеченным кону-

сом, и разбойник замертво рухнул в кусты под забором – до лучших каких-то времен.

Адамович, держа в руках хрустальную святыню, попытался еще тут же держать совет. Кисса – облизываясь, Жучка – виляя хвостом, Лада – ковыряя от волнения в носу – слушали его. (Чижик, выполнив свой долг, предпочел еще некоторое время задержаться в кулях и нарах). Нужно пойти к Инфаркту Миокардовичу и потребовать живую и невредимую Евовичь в обмен на яйцо со смертью.

И тут – на тебе! Новый сюрприз!

Хлопнув дверью, из бара «Куль и нары» вышли, безмятежно воркуя, Сумрачный ротвейлер и еще одна Жучка. Сначала всем нашим бросилось в глаза то, что хвост у последней забинтован, и она как-то неловко им хромает при ходьбе. А уж в следующую секунду – обухом по голове – мысль о раздвоении Жучкиной личности.

Кто как отреагировал? Ну, там, Кисса по-девчоночьи завизжала, Адамович по-мальчишески побледнел, Жучка номер один (со здоровым хвостом) брякнулась в обморок (видно, была она еще очень слаба после возвращения с того света), Жучка номер два (с забинтованным) сорвалась было с места, но Сумрачный поймал ее в свои цепкие разбойничьи объятия.

– Да ведь это же скандал, – пробормотала, оглядываясь по сторонам, Лада.

Наконец Адамович взял в руки себя, Жучку № 1 (и еще

там яйцо было), а Жучку № 2 уже держал Сумрачный – и заявил:

– Сейчас мы пойдем выручать мою возлюбленную сестру, а уж потом разберемся, кто из этих собак – подлинная, а кто – самозванка. Ты, – указал он на ротвейлера непонятно откуда взявшимся волевым жестом, – отведешь нас к своему хозяину, ибо его смерть в наших руках, но мы хотим обойтись без кровопролитий и решить дело исключительно мирным путем.

Верный пес своего хозяина подумал, что неплохо было бы броситься, перегрызть глотку и отбить в честном бою хрустальную пепельницу Инфаркта Миокардовича. Но Сумрачный уже был бесповоротно, теперь – вдвое больше – влюблен в Жучек, а потому вдвойне – способен на предательство. Он снова взвалил на спину тело одной из своих возлюбленных и послушно поплелся впереди процессии, указывая дорогу в тайное берлогово Кощея.

Инфаркт Миокардович нюхом чуял предательство. Одновременное исчезновение Белкова, Жирова, Углеводова и Сумрачного насторожило старого резидента. На всякий случай он съел все самые важные документы, а потом подумал, что надо было их предварительно сжечь. Тогда находчивый собаковод снял со стены своего кабинета горящий факел и стал жадно глотать огонь.

Потом он вспомнил о Евовичи и помчался к ней в каме-

ру, срывая с себя на ходу когти. Теперь ему предстояло взять девочку с собой за границу или убить ее. Ни то, ни другое не входило в его первоначальные планы. Черт! Тут он вспомнил, что оставил на своем столе еще один маленький недостроенный первоначальный план. Резко развернувшись, Кощей увидел в окно, как здание окружают Адамович, Кисса, Лада, две Жучки и его собственный преданный ротвейлер Сумрачный.

Именно последнему предназначалась первая пуля Инфаркта Миокардовича. Ротвейлер, мужественно застав от боли в отстреленной задней лапе, шепнул Жучкам: «Ложись», и в этот миг просвистела вторая пуля. Она предназначалась Адамовичу, но угодила прямо в бережно несомое им яйцо.

– Кощей Бессмертный убил сам себя! – закричала Кисса впопыхах, и все взволнованно сгрудились вокруг Адамовича.

Сначала никто ничего не понял. Они стояли и смотрели, как по ладоням растерянного Адамовича растекается желто-белая мутноватая слизь, украшенная мелкими осколками белой скорлупы. Инфаркт Миокардович перегнулся через подоконник, дабы взглянуть, что там у них случилось, а поняв, скрипло засмеялся:

– Яичко-то оказалось не золотое, а простое. Так-то.

Вдруг из какого-то рупора вырос над ними голос:

– Всем оставаться на местах. Здание окружено войсками.

Соппротивление бесполезно. Молчать. Не двигаться. Стреляю без предупреждения. Любое движение считается побегом. Не вздумайте уничтожать документы. Мы гарантируем вам жизнь. Сдавайтесь. Нас очень много.

Пока невидимый голос декламировал всё это, Инфаркт Миокардович закрыл окно, спустился в подвальный этаж и плотно закрыл за собой тщательно замаскированный вход в подземный лаз. По пути он даже успел прихватить с собой маленький недостроенный план – на всякий случай, на будущее и, пожалев Евовичь, не стал поджигать дверь ее камеры.

На всех прочих присутствующих, не исключая и найденной в застенке Евовичи, какие-то люди в военной форме надели наручники. Потом наших героев погрузили в машину с бронированными дверцами и куда-то повезли. Куда? «Там разберемся», – ответил добросовестный служака ободряюще.

А где-то на другом конце города в этот момент очнулся в кустах пьяный-препьяный Белков. Он приподнялся на четвереньки, попытался извлечь из груди еще пару музыкальных фраз, но изо рта его только выпал странный предмет, почему-то напомнивший разбойнику пепельницу в виде большого хрустального яйца. Предмет тяжело шлепнулся в мокрую канаву, а облегченный Белков с блаженным стоном откатился на сухую, согретую солнцем полянку.

Только последним эпизодом Матвей был недоволен. Работа в целом несла тревожное наслаждение, руки дрожали от приближения к какой-то светом мигающей разгадке. Всё это он писал не то вопреки, не то благодаря странным обстоятельствам и условиям Дома, но писал легко и сказочно быстро. Он почти не думал о том, кто именно прочтет рано или поздно его творение. Только шустрая все-таки мысль о побеге порой высывала нос откуда-то из-под сознания.

Матвей редко выходил из своей комнаты и почти не общался с народом. Псевдо-Квази наблюдал за ним через специальную щель в стене (это он чувствовал). Наблюдал и доносил отцу Елизару радостную весть о том, что новое гениальное произведение ума человеческого (скорее всего, произведение художественное, судя по силе нажима пера на бумагу) – будет готово.

А последним эпизодом Матвей был недоволен. Не то переделать, не то выбросить его насовсем? Что-то тут было неладно:

«На повороте прямо из-под дождя вынырнула женская фигурка и несильно ударилась о край капота. Хорошо еще, что он ехал так медленно! От волнения стуча зубами, Чижик выскочил из машины поднимать женицину. Она – вроде

как сама с собой разговаривая – как-то явно была не в себе. Он усадил ее на переднее сидение и начал расспрашивать и рассматривать на предмет наличия травм.

С девушки ручьями стекала вода. Чижик вытянул из своей сумки фляжку с коньяком – для пострадавшей. Она не отказалась, глотнула и говорит:

– Вы меня из лужи обрызгали.

У него, конечно, – все горы с плеч:

– А я думал, что вы – того, хотели под колеса добровольно прыгнуть.

Тут девушка засмеялась сквозь слезы:

– Какая у вас на зеркале курочка смешная болтается!

– Это не курочка, – обиделся наш герой, – это чижик, мой талисман. Моя фамилия, видите ли, Чижик, вот я и... (а еще подумал, что это она сейчас больше похожа на мокрую курицу).

– Ой, а куда вы меня везете? – вдруг опомнилась девица, потому что машина действительно поплыла дальше по лужам.

– А куда вас надо отвезти? – и он впервые обернулся к ней без тревоги и раздражения.

– Вы правы, пожалуй, мне всё равно – куда. По крайней мере – сегодня.

Вот так и получилось, что он поехал ее провожать».

Матвей неуверенно надорвал последний лист и всё-таки

еще раз перечитал и – разорвал. За стеной в этот самый момент послышалось привычное шебуршание, и в специальную щель для наблюдений стал протискиваться мятенький бежевый конверт.

«Наверное, гонорар», – вяло усмехнулся Матвей, не торопясь подобрать с пола неловко упавшее письмо.

Первое, что он понял, – почерк принадлежал Псевдо-Квази. Этот человек-недоразумение писал обычно меню в столовой для сведения сектантов и прочие объявления для общей организации. Поэтому Матвей хорошо знал его почерк. В записке, просунутой под дверь, было:

«Кьеркегор, ваша Офелия померла, утопилась. Похороны послезавтра. Если хочешь, сегодня ночью я устрою тебе побег. Рукопись оставь на столе, ее никто не тронет, а ты сюда еще вернешься.

В два ночи жду на детской площадке возле Дома».

И обожгло Матвея, и он сказал себе: какая чушь, как можно верить Псевдо-Квази, и откуда ему знать, с ним даже страшно идти ночью через лес, а может быть, сходить с этой запиской к отцу Елизару, наверняка, это ловушка, это не может быть правдой. Но я не смогу потом жить, если сейчас не проверю. И в два он стоял на площадке, действительно оставив ненужную рукопись на столе.

Всю дорогу Псевдо-Квази молчал, на вопросы отнекивался, мол, мое дело – сообщить да проводить, а там ты уж

сам узнаешь что к чему. По крайней мере, не прирезал Матвея под елкой, а, сажая на поезд, сочувственно хрюкнул под ухом:

– До встречи, Кьеркегор, я тебя снова найду, как почувствуешь, что пора возвращаться.

Матвей не знал Фенечкиного адреса, обычно они обитали у него. И теперь он поплелся, тревожно-обессиленный к себе на квартиру. Нет, там никого. Оказывается, ужас сколько времени прошло. С момента его бегства здесь многое изменилось. Очевидно, Фенечка долго жила здесь одна, ожидая его возвращения. Но – хотя кое-какие вещи еще вздыхали о ней под слоем пыли – сам слой пыли говорил, что ушла она навсегда.

Не на дачу же к ней сейчас ехать? И он решил сходить к ней на работу, он бывал там не раз, что же с того что вечер, наверняка – кто-нибудь еще на месте и знает, что с ней и где. Матвей настырно гнал от себя то, что написал ему Псевдо-Квази.

Фенечкина редакция арендовала этаж в высотном здании в центре города, по соседству с прочими учреждениями. Когда усталый Матвей добрался до места, уже стемнело и входную дверь заперли изнутри. Но на некоторых этажах, в том числе на пятом, Фенечкином, – был свет. Надо было позвонить вахтеру, чтобы открыл.

– Вы не знаете, где тут звонок? – спросил Матвей у молодого человека, который подошел несколькими секундами

раньше, решительно дернул дверь и замер в раздумье.

Тот повернул к нему свое лицо, даже в темноте показавшееся красивым и мужественным, как у киношного советского разведчика и усмехнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.